Карты Люцифера

Автор:
Алексей Атеев

Карты Люцифера

Алексей Григорьевич Атеев

Торговец антиквариатом Артем Костриков получил заказ от неизвестного: ему требуется отыскать гадательные карты Таро, изготовленные, по легенде, самим Люцифером. Артем выходит на некоего Соболева, у которого вроде бы хранится дьявольская колода. Но не все так просто. Убивают давнего знакомого Артема, а сам он втягивается в череду загадочных приключений. Кто же его таинственный наниматель? Уж не тот ли мистический странник, который, вооружившись магической силой карт, может жить несколько столетий, переходя из одного тела в другое, от старой жизни к новой?

Алексей Атеев

Карты Люцифера

Глава 1

SUB ROSA[1 - Sub rosa (лат.) – «Под розой». По секрету, секретно. Роза у древних римлян была эмблемой тайны. Если розу подвешивали к потолку над пиршественным столом, то все, что говорилось и делалось «под розой», не должно было разглашаться.]

В чем дело? Кто зовет меня из преисподней щели?

Ты кто? Ты театральный маг иль маг на самом деле?

А если театральный ты, ты сам того же мнения,

Что старый хлам все дьяволы, волхвы и привидения.

Карло Гоцци

«Любовь к трем апельсинам»

9 мая 1945 г. Прага

Громадная комната, скорее зал, казалась наполненной мраком. Какое время суток за ее стенами: утро, день, вечер – не поддавалось определению, здесь царила ночь. Непонятно, имелись ли в помещении окна. За тяжелыми драпировками их проемы практически не угадывались. Правда, одно место в комнате – массивный письменный стол – было слабо освещено. Источником света являлся вычурный бронзовый канделябр в виде обнаженной женщины с факелом в руке. Электрическая лампочка, вделанная в факел, горела вполнакала, к тому же беспрестанно мигала. Однако человеку, сидевшему за столом, освещения, видимо, вполне хватало. Он задумчиво разглядывал разложенные на столе игральные карты. Впрочем, были ли эти пестро раскрашенные листки на самом деле картами? Значительно крупнее обычных, они скорее напоминали средневековые книжные миниатюры, столь искусно были выполнены рисунки. Карты сверкали и как бы самостоятельно излучали свет. Краски искрились и переливались всеми цветами радуги, словно состояли из микроскопических драгоценных камней: сапфиров, рубинов, изумрудов…

Человек взял со стола один листок и поднес к глазам. Он изображал некое рогатое существо с козлиными ногами. Все остальные части тела имели вполне человеческие очертания. По бокам существа стояли на коленях две обнаженные фигуры – мужчина и женщина. Цепи от их ошейников существо сжимало в своих лапах.

Некоторое время человек, сидевший за столом, разглядывал карту, потом с презрительной гримасой отшвырнул ее прочь.

– Опять ты, – равнодушно сказал человек. – Считаешь, что тоже держишь меня на привязи? Посмотрим…

В эту минуту где-то за пределами комнаты раздался приглушенный грохот, и здание явственно тряхнуло. Мелодично забренчали подвески хрустальной люстры, упала на толстый ковер, а посему уцелела китайская ваза. Лампа последний раз мигнула и вовсе погасла.

Человек скрипуче засмеялся, поднялся и что есть силы рванул оконные портьеры. Они рухнули вместе с гардинами. Комнату залил яркий солнечный свет. Мужчина выглянул в окно. На чистенькой улочке, вдоль которой в два ряда выстроились богатые виллы, царило полное безлюдье. Вновь раздался грохот взрыва.

– Пора, – произнес мужчина, сбрасывая шелковый халат.

На вид ему можно было дать лет пятьдесят. Атлетическое телосложение, рост выше среднего, светлые волосы с едва заметной проседью и серые глаза явственно указывали на арийское происхождение. Мужественность лица подчеркивал шрам на левой щеке. Несколько портила внешность лишь чрезмерно развитая нижняя челюсть, но, возможно, для кого-то она лишь усиливала ощущение волевого, непоколебимого характера. Мужчина подошел к столу, небрежно смешал карты, собрал их в колоду, которую, в свою очередь, положил в затейливого вида шкатулочку, как раз под размер колоды. Потом налил из стоящей тут же пузатой бутылки с надписью «Martell» половину хрустального стакана темно-янтарной, маслянисто поблескивающей жидкости, залпом выпил… Черты лица заметно разгладились, жесткие складки в уголках рта почти исчезли. Он расслабленно улыбнулся, потом подошел к тумбе, на которой стоял массивный «Telefunken», щелкнул тумблером, повернул колесо настройки. Стрелка поползла по шкале, послышалась английская, затем русская речь. Чайковского тут же сменил джаз, синкопы которого мгновенно перекрыл Бетховен.

Наконец человек нашел то, что искал. Из динамика раздались гортанные слова немецкого языка. Человек пару минут вслушивался в взволнованную скороговорку диктора, сообщавшего, что война закончилась, и приказывавшего частям германского Рейха сложить оружие, потом презрительно хмыкнул. Лицо его вновь обрело утраченную после коньяка жесткость.

Человек подошел к громадному гардеробу, распахнул его створки, извлек висевший на вешалке эсэсовский мундир и стал неторопливо одеваться. Судя по знакам различия, он имел звание бригадефюрера. Человек придирчиво осмотрел себя перед зеркалом, в довершение нацепил на бок кортик, щеткой смахнул несуществующие пылинки, потом извлек из кобуры «парабеллум», зачем-то дунул в ствол…

В эту минуту на улице послышался шум подъезжающего автомобиля, затем громкая русская речь. Человек вновь выглянул в окно, удовлетворенно кивнул и пошел к двери.

Перед входом в виллу остановился молодой боец, почти мальчик. Он с любопытством рассматривал фасад, украшенный затейливой лепниной. Похоже, он вовсе забыл об опасности, возможно, подстерегающей за резной дубовой дверью. Человек в эсэсовском мундире не спешил выходить наружу. Однако он повел себя довольно странно: поднял напольную вазу и швырнул ее о стену, словно нарочно желая привлечь к себе внимание.

Услышав шум, боец насторожился, выставил перед собой автомат и осторожно двинулся к двери. Эсэсовец вновь отступил в комнату, вернулся к письменному столу и облокотился на него. Пистолет он свободно держал дулом вниз. В дверном проеме показалась фигура бойца. Увидев немца, он застыл от неожиданности. Рослая фигура в черной униформе, парадный кортик на боку, а главное, пристальный, немигающий взгляд обратили бойца в соляной столб. Русский и немец, не мигая, взирали друг на друга: один – словно затравленный кролик, совсем забывший, что способен сопротивляться, другой – непонятно зачем выжидая. Наконец эсэсовец стал медленно поднимать свой «парабеллум». Это выглядело и вовсе глупо. Так лениво и расслабленно не стреляют даже по пустым бутылкам. Боец приоткрыл рот, в глазах его мелькнул животный ужас, лоб мгновенно покрылся крупными каплями пота. Немец мог бы застрелить его уже раз десять, но почему-то медлил. Наконец русский справился с испугом и направил на эсэсовца ствол автомата. Тот выпрямился во весь рост. Рокотнула короткая очередь. Дымящиеся гильзы посыпались на мягчайший ворс драгоценного персидского ковра. Немец с невиданным доселе проворством рванулся вперед. Пальцы его в последние мгновения ускользающей жизни попытались судорожно вцепиться в голенище кирзового сапога, но лишь скользнули по ребристой поверхности. Глаза эсэсовца на мгновение осветили угасающее лицо и тут же начали мутнеть. Боец продолжал стоять с разинутым ртом, крепко сжимая автомат, и вдруг, содрогнувшись всем телом, рухнул на

пол. С минуту мгновенный судорожный припадок вроде эпилептического сотрясал все его существо, заставлял бессмысленно сучить руками и ногами, дергать головой, словно тряпичную куклу. Однако приступ тут же прошел. Боец вскочил на ноги и первым делом кинулся к столу, схватил шкатулку с картами.

– Барахолишь, Самохин! – услышал он за спиной и резко обернулся.

На пороге стоял молодой офицер.

– Да нет, товарищ старший лейтенант, какое там «барахолишь»… Сей минут зашел сюда. А тут он… – Самохин кивнул на лежащий ничком труп эсэсовца. – Ну, я и того… стрельнул.

– Стрельнул, – насмешливо передразнил офицер. Он с любопытством посмотрел на мертвеца. – «СС». И в больших чинах. И ведь доводили до всех приказ: немецких офицеров по возможности брать в плен.

– Так то – по возможности. А он чуть меня не пристрелил. – Самохин толкнул носком сапога лежащий на ковре «парабеллум».

Старший лейтенант нагнулся, поднял «парабеллум», повертел его в руках.

– Отличная игрушка! – оценил офицер оружие. – Смотри-ка, даже с золотой инкрустацией! – Он вытащил обойму, затем поднял скобу затвора и передернул ствол. – Почему-то незаряженный. Объясни, Самохин, как это он хотел застрелить тебя из незаряженного пистолета? А я, например, так понимаю твои действия. Зашел ты сюда – он стоит. В плен собрался сдаваться. Ты сразу смекнул: возись потом с ним. Барахолить помешает. Вот и пристрелил, недолго думая. Так?!

– Но, товарищ старший лейтенант!..

– Что это ты в руке держишь? Ну-ка, покажи. Конечно же, я прав. Интересная вещичка. Похоже, старинная. – Офицер раскрыл шкатулочку, достал карточную колоду.

– Красота-то какая! – восхитился он. – Похоже на карты, но в жизни ничего подобного не видывал. – Он небрежно взглянул на бойца. – Значит, так, Самохин. Карты эти тебе ни к чему, поскольку азартные игры в действующей армии запрещены. А посему я их конфискую. Вон можешь люстру забрать. В твоем колхозе такой точно ни у кого нет. Или, например, вон ту бронзовую бабу… Смотри, какие у нее сиськи замечательные. И попрошу не возражать, – строго добавил он. – А то неприятности будешь иметь за то, что не довел фашиста до штаба дивизии. Ладно, можешь продолжать барахолить.

Офицер сунул шкатулку в карман распахнутой шинели и повернулся к выходу. Самохин некоторое время смотрел своему обидчику в спину. На лице его было такое выражение, словно он собирался всадить в офицера очередь, как только что в эсэсовца, но тут на улице раздался зычный голос: «Хто бачив комроты?!»

– Пилипенко, будь он неладен! – в сердцах произнес старший лейтенант, тут же забыв про Самохина.

Боец остался один. Он еще раз оглядел роскошное убранство помещения, сплюнул и нажал на спусковой крючок. Разлетались вдребезги вазы, переломился канделябр на столе, с потолка посыпался стеклянный дождь от расстрелянной люстры.

– Ты чего, Самохин? Сдурел?! – закричал с порога прибежавший на выстрелы другой боец.

– Ненавижу ихнее добро буржуйское, – сквозь зубы произнес Самохин. – Одна беда от него.

Глава 2

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЭМАЛИ

Я – дьявол, имя мое – сон.

Я – первая Ева, имя мое – Лилит.

Милорад Павич

«Хазарский словарь»

Август 1966 г. Москва

Артем некоторое время стоял перед солидной, обитой настоящей кожей дверью и изучал потускневшую латунную табличку, гласившую, что здесь проживает Эраст Богданович Ладейников, профессор медицины, словно видел ее в первый раз. Вдоволь насмотревшись на изящные вензеля шрифта, которым была исполнена надпись, Артем покрутил винт старомодного механического звонка. За дверью раздалось едва различимое треньканье. Артем прислушался. Тишина. Он вновь принялся яростно крутить привод допотопного агрегата. Однако и это не возымело действия. Тогда Артем совершил кощунство – несколько раз сильно пнул профессорскую дверь носком растоптанного мокасина. Где-то в глубинах академической твердыни, за кожано-дубовыми вратами, послышалось робкое шевеление. Крепость, похоже, была готова сдаться.

– Не слышны в саду даже шорохи, – пропел Артем. – Все здесь замерло до утра… Открывай, Манефа. Свои.

Залязгали запоры и цепочки, дверь строго заскрипела, и на пороге возникла старушонка, почти карлица, в черных монашеских одеждах и таком же платке, повязанном по самые глаза.

– А, это ты, – без особого восторга произнесла она. – Ну, уж заходи, коли пожаловал.

– Хозяйка дома?

– Где ж ей быть. А ты, Артюша, зря в дверь ножищами тарабанишь, народ булгачишь. Нетерпелив больно. И так бы отворили.

– Извиняй, старая. Боле не буду.

Артем неторопливо разулся, подхватил свою объемистую холщовую суму, больше похожую на котомку странника, и уверенно двинулся по огромному плохо освещенному коридору. Бывал он здесь не один раз и дорогу знал хорошо. Карлица семенила позади, громко кряхтя. Посещая эту квартиру, Артем всегда удивлялся ее особому аромату. Тут постоянно пахло не то экзотическими пряностями, не то восточными курениями.

– Ты чего, старая, бурчишь? Животом маешься? – насмешливо поинтересовался Артем.

– Ходят тут всякие, – пренебрежительно отозвалась старуха. – Раньше таких, как ты, не то что на порог – в парадное не пускали. Из-за вас, дуроплясов, все несчастья наши… Был бы жив Эраст Богданович, царствие ему небесное, он бы тебе хвоста накрутил.

– Иных уж нет, а те далече, – хмыкнул Артем. – Бывал я и у Эраста вашего. Или позабыла?

Но карлица не стала вдаваться в воспоминания. Она лишь что-то злобно буркнула себе под нос.

Они вошли в просторную, несмотря на обилие находящихся в ней вещей, комнату.

– Привела вот, – ворчливо сообщила карлица, обращаясь к женщине, сидящей на старинном диванчике, обтянутом золотистым в синюю полоску тиковым чехлом.

Женщина оторвала взгляд от книги, подняла его на Артема и слабо улыбнулась. Холодная отчужденная улыбка была лишь данью вежливости. Радости от появления гостя дама явно не испытывала.

Она была хороша собой той красотой увядающих блондинок бальзаковского возраста, которые иной раз выглядят в этой поре более выигрышно, чем в молодости. Пышные формы, длинные медового цвета волосы, лень и расслабленность в движениях производят неизгладимое впечатление на определенную категорию мужчин-живчиков восточного типа. Именно к подобной категории принадлежал Вартан, нынешний муж дамы. Сейчас он находился в камере предварительного заключения одной из правоохранительных структур

столицы.

– Здравствуйте, Агния Сергеевна, – приветствовал даму Артем. – А где Вартан?

– Неужели не знаете? – Розовый ротик саркастически скривился. – Сидит.

– Беда-то какая, – притворно вздохнул Артем.

Он демонстративно обвел глазами обстановку комнаты, словно видел ее в первый раз. Тут было на что посмотреть. Мебель, в настоящий момент зачехленная, – павловский ампир. На стенах картины: небольшой набросок Шишкина, осенний пейзаж Поленова, две работы Лемоха: «Молодица за прялкой» и «Портрет крестьянского мальчика». Имелись и западноевропейские мастера, в частности «малые голландцы».

Обстановка и большинство картин принадлежали прежнему мужу хозяйки, тому самому профессору медицины, о котором повествовала дверная табличка. Лет двадцать назад, сразу после войны, немолодой уже ученый муж женился на своей студентке, в ту пору высокой, медлительной блондинке, на чьем лице обычно присутствовало несколько сонное выражение. После замужества и окончания института Агния сохранила и даже упрочила в своей натуре негу и истому. Словно золотая рыбка в аквариуме, она медленно и плавно передвигалась по просторной квартире, время от времени выходя со своим Эрастом Богдановичем (она звала мужа только по имени-отчеству и всегда на «вы») «в свет», обычно в Большой театр. Детей у профессорской четы не имелось. Хозяйство вела карлица Манефа, вывезенная из какой-то подмосковной деревни и с тех пор проживавшая в семействе Ладейниковых в качестве не то кухарки, не то экономки. В Агнии она души не чаяла, испытывая к ней прямо-таки материнские чувства.

По прошествии энного количества лет в семействе Ладейниковых случилась трагедия: в одночасье скончался Эраст Богданович. «Кондратий хватил», – выразилась безутешная Манефа.

Поскольку Агния ни часу в жизни не проработала, встал вопрос о пропитании.

Профессор медицины оставил после себя кое-какие сбережения, но главное, обширную коллекцию живописи и антиквариата, так что голод вдове не грозил.

Реализация тоже не составляла проблемы. Манефа отнесла в комиссионку набросок к картине Иванова «Явление Христа народу» и получила взамен сумму, достаточную для безбедного проживания в течение полугода.

Материальная сторона бытия тревог у Агнии не вызывала, но бытие зиждется не только на хлебе насущном. И тут возник Вартан. Этот знойный брюнет лет сорока попал в дом Ладейниковых, в общем-то, случайно, привлеченный рассказами о неслыханном наследстве, доставшемся вдове профессора. Вартан, кроме прочего, приторговывал и антиквариатом. Конечно, он явился не сам по себе, а с рекомендателем, тем же Артемом – Манефа за порог кого попало не пускала. Но не Шишкин и Поленов потрясли воображение огненноглазого восточного человека. Его наповал сразили пышные формы и ленивые повадки Агнии. Позже Артем пожалел, что ввел Вартана в дом Ладейниковых. Вартан родился в Бейруте в армянской семье, а после войны вместе с родителями и сотнями других армян приехал в СССР. Ереван молодому человеку показался слишком провинциальным, и в конце пятидесятых годов он подался в Москву. Вартан был неплохо образован, некоторое время учился в Бейрутском университете, кроме родного и русского, знал арабский и французский языки, но по натуре являлся авантюристом, стремящимся только к наживе и приключениям. Впрочем, Агнию он любил, называл исключительно «мон шер» и «мон ами», а коллекцию профессора медицины не только не разбазарил, а даже приумножил. В частности, среди скромных передвижников и сдержанных голландцев затесалась картина неизвестного немецкого мастера конца девятнадцатого века под названием «Купающаяся Сусанна». Роскошная красавица, выставив напоказ все свои прелести, плескалась в небольшом водоеме, скорее даже луже, а из-за кустов на нее похотливо глазели два уродливых старца. Дальнейшие намерения старцев были предельно ясны. Когда Манефе случалось пройти мимо соблазнительного полотна, карлица неизменно сплевывала.

Чем конкретно занимался Вартан, даже для Артема являлось полной загадкой. Скорее всего, по его предположениям, армяшка ворочал валютой. Сам Артем с подобными вещами принципиально не связывался, помня судьбу Рокотова, Файбышенко и Яковлева.[2 - Известные московские валютчики, расстрелянные в начале шестидесятых годов.] Любые, даже наивыгоднейшие сделки мгновенно переставали интересовать Артема, как только на горизонте начинала маячить расстрельная восемьдесят восьмая статья. Пару дней назад по Москве прошел слух, что Вартана «взяли». Ясно было, что разумный человек в квартиру, скорее всего, находящуюся под наблюдением, соваться не станет. Это как раз и устраивало Артема. Дело в том, что у Вартана имелась одна крайне интересная

вещица, а именно византийские эмали. В надежде заполучить их Артем и пожаловал к Агнии.

– А когда его?.. – Артем замялся, не желая произносить роковое слово. В доме повешенного, как известно, не произносят слово «веревка».

– Вы зачем, собственно, пришли? – в свою очередь, поинтересовалась Агния, не отвечая на поставленный вопрос.

– Мы с ним, с Вартаном то есть, договаривались о продаже одной вещи…

– Какой конкретно?

– Да эмалей.

– Он мне ничего не говорил.

– Да как же тут скажешь. Не до этого. Обыск был?

– Естественно.

– Что же искали?

– Они, знаете ли, не сообщали, – усмехнулась Агния и встала, давая понять, что разговор окончен. Палевая в мелкий розовый цветочек шелковая пижама, видимо, была плохо застегнута, поскольку неожиданно разошлась, и на свет божий явилась большая вяловатая грудь с крупным коричневым соском. Нисколько не смущаясь Артема, Агния водворила грудь на место и застегнула перламутровую пуговицу. – Итак, молодой человек, разговор окончен. Без Вартана я ничего продавать не собираюсь.

Но Артем так просто сдаваться не привык. Он поднял на хозяйку свои нагловатые зеленые глаза и как бы между прочим сообщил:

– Тут недели две назад в «Правде» забавный фельетон напечатали.

– Я газет не читаю, – холодно отозвалась Агния.

– И зря. Иногда факты, изложенные в них, могут пригодиться. Вот вам пример… – Артем сделал многозначительную паузу.

– Продолжайте, – лениво вымолвила дама.

– Статейка называется «Створки шкафа открылись», и речь в ней идет…

– …о валютчиках, – закончила за него Агния.

– А говорите, газет не читаете, – нарочито упрекнул Артем.

– Вартан рассказывал. Он-то прессу штудировал от корки до корки.

– Тогда, наверное, он сообщил, что, помимо крупных сроков, этих ребят постигла полная конфискация имущества.

– Намекаете, и меня подобное ждет?

– Не исключено.

– Во-первых, до суда не имеют права, а во-вторых, большая часть имущества нажита моим покойным первым мужем.

В голосе Агнии Артему послышалось легкое беспокойство, и он решил усилить нажим:

– Оно, конечно, так, но коллекцию могут изъять как вещдоки. Тем более что эмали появились в вашем доме совсем недавно. И продал их Вартану лично я.

– А теперь, выходит, пожалели?

– В некоторой степени. Вернее, подумал, что Вартану они не скоро пригодятся. А если их изымут, то эмали, надо думать, безвозвратно пропадут, поскольку, скорее всего, их сочтут достоянием государства и передадут в какой-нибудь

музей или в Гохран.

– Сколько же вы за них предлагаете? – деловито поинтересовалась Агния.

– Пятьсот рублей.

Агния мелодично засмеялась.

– Они стоят по меньшей мере раз в пять дороже. Во всяком случае, так говорил Вартан. Да и вам он заплатил, насколько я знаю, несколько большую сумму.

– Может быть, – не стал отрицать Артем. – Но бизнес есть бизнес. Хорошо, только из уважения к вам – тысяча.

Агния задумчиво сощурилась и еле заметно шевельнула розовыми пухлыми губками.

– Допустим, я отдам вам эмали, – наконец произнесла она, – а вернется Вартан… Как я стану ему объяснять?..

– А так и скажете. Мол, приходил твой старый друг. Напугал меня конфискацией, вот я и поддалась. – При этих словах Артем столь выразительно посмотрел на выдающийся бюст хозяйки, едва удерживаемый тонкой материей, что слово «поддалась» прозвучало явно двусмысленно.

Бледное лицо профессорши чуть заметно порозовело, она скромно потупила взгляд, а когда вновь подняла его, Артем понял: дело удалось.

– Доставайте ваши грязные деньги, – усмехнувшись, сказала Агния и вышла из комнаты. Артем извлек из своей холщовой сумы пачку десятирублевок.

Вскоре вернулась Агния. В руках она держала довольно большую плоскую деревянную коробку.

– Вот, получите, – сказала она, ставя коробку перед Артемом.

Тот поднял крышку, хотя прекрасно представлял себе содержимое. На черном бархате, в углублениях, повторяющих их форму, лежали три металлических предмета: довольно большой, сантиметров десять в длину, крест с распятием, маленькая квадратная иконка, на которой Георгий Победоносец поражает змия, и крупная, почти в половину листа писчей бумаги икона, изображающая Иоанна Предтечу. Поверхность всех трех вещей покрывали мелкие цветные вставки, сливающиеся в единый узор. Это и были характерные образцы византийской перегородчатой эмали.

Перегородчатая эмаль представляет собой ячейки, образованные тонкими металлическими перегородками, припаянными на металлическую поверхность ребром по линиям узора. Эти ячейки заполняются эмалевой пастой и обжигаются в печи. Получается очень красивый, разноцветный, рельефный фон, подчеркивающий основное изображение и создающий эффект объема, так как при обжиге возникают сочетания прозрачных и непрозрачных пятен, дающие ощущение теней. Сами же вещи выполнены из бронзы, серебра или золота. Цветные эмали были известны еще в Древнем Египте. В Византии же их начали изготавливать в VIII–IX веках, и скоро они не только достигли совершенства, но и породили целый ряд сначала подражаний, а впоследствии и совершенно оригинальных работ как в Западной Европе, так и в Грузии и на Руси.

Собственно говоря, византийские эмали, сами по себе, несомненно, большая художественная и историческая ценность, не являются чем-то уникальным. В свое время они довольно широко распространились по всему христианскому Востоку. Византийские купцы и монахи везли их во все концы православного мира. Состоятельные коллекционеры давно обратили на византийские эмали свое внимание. Однако следует добавить, что их очень активно подделывали, в том числе и весьма профессионально. Кстати, один из трех предметов, находившихся в коробке, а именно, серебряная нательная иконка, изображающая Георгия Победоносца, относилась именно к числу высококлассных подделок и была изготовлена в числе других в начале двадцатого века под руководством петербургского фотографа Сабина-Гуса. Но Артем этого не знал. Не знал он и другого. Икона Иоанна Предтечи была не рядовой эмалью, а являлась древней реликвией, почти святыней, а посему не имела цены, вернее, оценивалась неизмеримо больше тех денег, которые Артем надеялся за нее выручить. В апреле 1918 года комендант Кремля Павел Мальков по личному распоряжению председателя ВЧК Дзержинского произвел обыск на Троицком подворье, тогдашней резиденции московского патриарха Тихона. В

ходе обыска были обнаружены и изъяты значительные ценности, представляющие собой предметы культа, в частности осыпанная драгоценными камнями церковная утварь. Однако икона Иоанна Предтечи в описи изъятых ценностей не зафиксирована. Исчезла она из патриарших покоев. Куда, так и осталось неизвестным.

В чем же заключалась ее якобы несказанная ценность? Дело в том, что икона Иоанна Предтечи принадлежала к числу так называемых «Корсунских реликвий». Киевский князь Владимир, крещенный в Корсуне, а чуть позже крестивший уже Русь, привез с собой из Корсуня различные предметы культа, в том числе и эту икону. Поскольку Владимир впоследствии был возведен в сан святых, вещи, ему принадлежавшие, тем более иконы, были осенены божественной Благодатью.

Изображение иконы «Иоанн Предтеча» имелось в знаменитой книге Н.П. Кондакова «Византийские эмали». Но поскольку этот громадный том, в парчовой обложке с шитой золотом закладкой, отпечатанный в 1892 году во Франкфурте-на-Майне тиражом 600 экземпляров и по праву считающийся самой роскошно изданной книгой на русском языке, простым смертным практически не доступен, Артем не был знаком с его содержанием. В других же трудах по византийскому искусству, особенно советской поры, упоминание об эмали «Иоанн Предтеча» отсутствовало.

Глава 3

ПЕНА СТОЛЕТИЙ

Жена на службе. Серп на окне,

Ребенком воздух весь пропах

Диавол был во всех углах…

Лев Лосев «Три рубля»

Весьма довольный лихо обстряпанным дельцем, Артем почти бегом выскочил из подъезда (профессорша жила в добротном доме сталинской постройки на Соколе), держа под мышкой коробку с эмалями, и устремился к своему автомобилю «Волга», стоявшему поодаль. Он положил коробку на заднее сиденье, сел на водительское место и в восторге стукнул ладонями по рулевому колесу, цветом и фактурой один в один слоновая кость. Все складывалось как нельзя лучше.

Эти эмали уже давно являлись головной болью Артема. Раздобыл он их месяца три назад совершенно случайно, купив по бросовой цене у какой-то ветхозаветной старушки, обитавшей в огромной коммуналке неподалеку от гостиницы «Минск». Эмали, вещь редкая и ценная, в тот момент почему-то оказались никому не нужны. Артем сунулся к одному коллекционеру, к другому… И всюду встречал непонимание. Соглашались – товар стоящий, но предлагали такой мизер, что Артем лишь презрительно кривил губы. Один так называемый искусствовед-консультант прочитал целую лекцию о поддельных эмалях, а затем предложил за них столько же, сколько Артем первоначально пытался всучить Агнии. Артем рассмеялся ему в лицо. Наконец он без особой охоты отправился к Вартану, тогда еще пребывавшему на свободе. Армяшка эмали похвалил и с ходу дал тысячу. Сошлись на тысяче двухстах. Артем оказывался не внакладе и потому был удовлетворен сделкой. Однако буквально через два дня ему позвонил один человек и предложил за эмали пять тысяч рублей. Расстроенный Артем сообщил, что товар продан. На другом конце провода поинтересовались: нельзя ли вернуть эмали? Артем ответил, что нельзя, поскольку идти к Вартану с подобной просьбой было абсолютно бессмысленно, да и унизительно. Тогда человек сообщил, что готов подождать, и оставил свои координаты. Артем от досады кусал локти. И вдруг он узнает: Вартан арестован. Мысль о возможности отхватить жирный кусок мгновенно возникает в ушлой голове, и все получается так, как он задумал.

«Молодец, – мысленно похвалил сам себя Артем. – Профессионально сработано». И он медленно тронул «Волгу» с места, выезжая на оживленный Ленинградский проспект.

Читатель уже, наверное, понял, что герой нашего повествования промышляет антиквариатом. В Москве середины шестидесятых годов двадцатого века подобное занятие, прямо скажем, не относилось к числу распространенных, к тому же не одобрялось правоохранительными органами, квалифицировавшими его как спекуляцию в особо крупных размерах. Однако восточная мудрость

гласит: собака лает, а караван идет. Анкетные данные у него были самые обычные. Полное имя: Артем Иванович Костриков. Возраст – 30 лет. Место рождения – станция Бологое.

В сороковом году отца Ивана Ивановича Кострикова – паровозного машиниста – перевели на Московскую железную дорогу, а в сорок первом отец погиб. Эшелон, который он вел в сторону фронта, попал под налет немецкой авиации. Всю войну Артем с матерью провели в бараке при станции Лосиноостровская, где мать работала оператором сортировочной горки. Детство было голодноватое, но веселое. Под окнами день и ночь грохотали составы, но можно было вместе с соседскими ребятишками податься в Лосиноостровский лес, на привольные, заросшие цветами поляны, или в центр, поглазеть на кремлевские башни, побродить по запруженной людьми улице Горького, а то и сцепиться с арбатскими или дорогомиловскими пацанами. Развлечений хватало…

Однако детство быстро прошло. Нужно было, как выражалась мать, становиться на ноги. Артем без особого труда, поскольку хорошо чертил, рисовал и прилично разбирался в математике, поступил в архитектурный. Парнишка он был предприимчивый, но денег постоянно не хватало, и он искал, где бы подработать. Однажды случай свел Артема с довольно любопытной личностью – старичком «из бывших» Михаилом Львовичем Колычевым. Тот, хотя и давно достиг пенсионного возраста, продолжал трудиться на кафедре прикладной систематики МАИ младшим научным сотрудником. Однажды Колычев попросил Артема помочь ему выкопать картошку. Жил старичок в небольшом ветхом домишке на тогдашнем краю Москвы, в Сокольниках, где к середине пятидесятых сохранилось много частной застройки. Артем прикинул: мероприятие займет целый день, но, учитывая знакомства Колычева на различных кафедрах и открывающиеся перспективы в получении зачетов, охотно согласился.

Приусадебный участок, на котором произрастал «второй хлеб», как высокопарно называл картофель Колычев, оказался небольшим, всего соток пять. Артем копал, а старичок и его супруга, сухощавая, но жилистая и шустрая бабулька, споро собирали урожай. Закончили уборочную страду значительно раньше, чем предполагал Артем. Но когда он, умывшись, засобирался домой, Колычев заявил, что так не полагается, мол, по русскому обычаю нужно с устатку маленько расслабиться. Артем не возражал.

Прошли в дом. Если снаружи строение имело довольно неказистый вид, то комната, куда провел его старец Колычев, выглядела не то чтобы роскошно, но вполне пристойно, хотя и весьма старомодно. Казалось, Артем попал в декорации какой-то пьесы: не то Чехова, не то Горького.

Стены увешаны выцветшими фотографиями в затейливых рамках, на которых фигурируют господа во фраках и цилиндрах, а также в мундирах различных родов войск и дамы в кринолинах. Под потолком – лампа с ядром-противовесом. Вначале Артем даже не сообразил, что она – керосиновая. Диван с высокой спинкой, круглый стол, покрытый камчатой скатертью с кистями. На столе ваза молочно-голубого стекла с астрами.

Скатерть тут же убрали, а стол застелили пестрой клеенкой. Была принесена большая сковорода с жаренной с луком картошкой, соленые огурчики и салат из помидоров, залитый постным маслом. А главное, откуда-то возник синий графинчик в форме виноградной грозди и три серебряные стопки. Мужчины выпили, пригубила и хозяйка…

Напиток оказался крепок – Артем с непривычки даже поперхнулся – и отдавал чесноком и укропом.

– Сам готовлю, – доверительным шепотом сообщил Колычев. – Использую, понимаешь, дары собственного огорода. Рецепт весьма старинный, между прочим.

Пропустили еще по одной, стали ужинать. Проголодавшийся Артем навалился на картошку – только за ушами трещало. Старец ел немного, словно воробей клевал, по крошке. Хозяйка, извинившись, куда-то ушла, и они остались одни. Колычев стал расспрашивать про житье-бытье. Сочувственно вздыхал, слушая жалобы подвыпившего Артема на маленькую стипендию, нехватку свободных денег.

– А приработки у тебя какие-нибудь имеются? – поинтересовался старец.

– На станцию хожу вагоны разгружать, иногда ночью в соседнем магазине хлеб помогаю принимать.

– Да, негусто, – посочувствовал Колычев. – И учишься ты, насколько я знаю, неплохо. Стараешься. Это радует. А я вот… – старец пожевал губами, словно раздумывая, начинать ли разговор, – …кое-как перебиваюсь. Картошечки накопали – зиму переживем. Опять же огородишко… – он кивнул на стол. – Жить, в общем, можно.

– Вы, наверное, и на кафедре неплохо зарабатываете, – ввернул Артем.

– Само собой, да еще пенсия… Голубушка моя иждивенка, поскольку никогда нигде не служила, но моих доходов вполне хватает на двоих. На юга каждый год катаемся, на черноморском песочке телеса греем. – Колычев похлопал себя по впалой груди.

– Неплохо, – одобрил Артем.

– И можешь себе представить, такое лихолетье бушевало на дворе, а нам хоть бы что. А почему? Сидели тихо-тихо, как тараканы за печкой. Не высовывались, как некоторые. И Гражданскую благополучно пережили, и тридцатые, и войну. Вели себя смирно да богу молились. Это сейчас спокойно стало, а ране… О-го-го! Лишь главу успевай поворачивать: то одного замели, то другого… Прямо как на лугу в сенокос. Литовка[3 - Литовка – большая коса.] – вжик– вжик – только лезвие на солнце сверкает. Но господь миловал. Не скосили наши головушки допрежь отмеренного срока. А вполне могли. Я ведь дворянского звания. И род мой весьма древен… – Старик внезапно осекся, видимо, посчитав, что сболтнул лишнего. – Ты пей, не стесняйся. И закусывай непременно.

– Значит, вы из дворян? – стал допытываться захмелевший Артем.

Колычев утвердительно кивнул головой, но продолжать откровения не стал, давая понять, что разговор на эту тему окончен. И только спустя много времени Артем узнал, что старичок – прямой потомок известного в России дворянского рода Боде-Колычевых.

Тогда разговор, по сути, закончился ничем. Артем, вдоволь напробовавшись колычевской настойки, окончательно захмелел и остался ночевать у стариков. Однако это было только началом их общения. Колычев под разными благовидными предлогами еще несколько раз приглашал Артема в гости. Потом помог досрочно получить пару зачетов…

Молодому человеку нравилось бывать в Сокольниках. Ветхий домик на самом деле оказался могучей крепостью, но крепостью для двоих. Представлялось: случись сейчас вселенская катастрофа, рухни мир – эта убогая халупа выстоит. Устойчивый, налаженный быт укрепил ее стены лучше всякого железобетона. Даже то странное обстоятельство, что в доме отсутствовало электричество, казалось, усиливало ощущение уюта и стабильности.

Как-то само собой выяснилось, что, кроме преподавания в Московском архитектурном институте и обихаживания собственного быта, у старичка имеется еще одно занятие, собственно говоря, являющееся основным источником стабильности его существования. Колычев довольно успешно торговал предметами старины. Разговор про антиквариат зашел вроде бы случайно. Как-то старик показал Артему небольшую, поблескивающую потемневшей позолотой иконку и поинтересовался, сколько, по мнению Артема, она может стоить.

Молодой человек, в подобных вещах совершенно не разбиравшийся, сказал, что, наверное, рублей десять.[4 - Речь идет о ценах до денежной реформы 1961 года.]

Старичок мелко захихикал и сообщил: данная иконка стоит никак не меньше пятисот. Артем не поверил. Чтобы за старую деревяшку, пусть даже позолоченную, какой-нибудь чудила мог выложить приличную сумму?! Такое просто не укладывалось в голове.

– Хочешь убедиться? Вот тебе адресок. Сходишь туда и отдашь дощечку, а взамен получишь деньги. Когда спросят о цене, скажешь: шестьсот рублей.

– Не пятьсот?

– Именно шестьсот!

Старик завернул икону в вощеную бумагу, сверху упаковал в газету «Труд», перевязал шпагатом и вручил Артему.

– Да смотри не потеряй! – проворчал он вместо напутствия.

Артем отправился по указанному адресу. В квартиру, куда он попал, дальше порога его не пустили, но даже по обстановке в прихожей было понятно: здесь живут люди зажиточные. Немолодой солидный мужчина в очках молча взял из его рук сверток, так же молча кивнул на стоявший перед огромным старинным зеркалом мягкий пуфик и вышел. Парень довольно долго ожидал возвращения хозяина квартиры и даже начал волноваться: сейчас швырнут в лицо икону и вытолкают взашей. Но все обошлось.

Вновь появился солидный. Сверток не вынес, зато держал в руке объемистый бумажник.

– Какова стоимость вещи? – поинтересовался он.

Артем назвал цену, ожидая услышать слова возмущения. Однако человек в очках спокойно открыл бумажник, извлек оттуда шесть размерами похожих на носовые платки сотенных купюр и передал деньги Артему.

К слову сказать: так Артем впервые увидел ныне покойного профессора медицины Ладейникова, в доме которого впоследствии бывал неоднократно.

Когда через час Артем передал деньги старичку Колычеву, тот, пересчитав купюры, вручил ему одну со словами: «За труды». И когда парень стал отказываться, насмешливо посмотрел на него и заметил: «Дают – бери, бьют – беги». Старичок вообще любил употреблять разные пословицы и прибаутки.

Довольно скоро, выполнив еще пару подобных поручений, сообразительный Артем понял: Колычев вовсе не случайно свел с ним знакомство. Впрочем, любой на его месте сделал бы подобный вывод. Старичку нужен был надежный помощник в его достаточно скользком промысле. Но и Артем, по собственному разумению, не прогадал. У него появились свободные деньги, вначале, конечно, небольшие, но и эти крохи для постоянно нуждавшегося в средствах парня стали благом. Однако Колычеву, как скоро выяснилось, был нужен не только посыльный. Он видел в Артеме своего наследника и продолжателя дела. Детей у Колычевых не имелось, и посему к Артему вскоре стали относиться как к сыну. И начал старичок вводить молодца в курс дела, передавать опыт, как он, в духе времени, выражался.

Антикварный промысел в Москве до революции процветал. Имелись десятки, если не сотни предприимчивых личностей, торговавших стариной.

Существовали крупные магазины с немыслимыми для рядового собирателя ценами и одновременно лавки старьевщиков, больше похожие на свалки утиля, где, однако, нередко попадались стоящие вещи. Ценились предметы древнерусского искусства и быта: иконы, литье, перегородчатая эмаль, пелены и шитье бисером, серебряная посуда, украшения, монеты, оружие, старопечатные и рукописные книги, старинные наряды, мебель и многое другое… Одним словом – пена столетий. Бойко шла торговля стариной и на московских рынках, в первую очередь на Сухаревке. Но и собирателей – любителей и профессионалов – было хоть отбавляй. Каждый мог найти себе товар по вкусу и по цене.

В числе коллекционеров были представлены самые разные слои населения Российской империи, начиная от великих князей, через своих посредников пополнявших и без того громадные собрания, и кончая разночинной интеллигенцией вроде писателя и философа Розанова, собиравшего античные монеты. Купцы-старообрядцы приобретали иконы древнего письма, первопечатные часословы и Евангелия, обычные московские мещане собирали, к примеру, поддужные валдайские колокольчики или старинные пивные кружки. Встречались и вовсе странные личности, охотившиеся за амбарными замками или шарманками. Каждый выбирал себе страсть по возможностям и средствам.

После революции подавляющее число коллекций пошло прахом. Людям стало не до собирательства – тут не то что собрание цацек, жизнь бы сохранить. Часть добра еще в первые месяцы была скуплена предприимчивыми иностранцами и вывезена, что-то погибло в пламени революции и Гражданской войны, но большинство вещей просто разошлось по случайным рукам или пылилось в забвении. Правда, и в смутное время потрясений встречались отдельные отчаянные чудаки, не изменившие страсти собирательства. Например, коллекционировали денежные знаки многочисленных правительств, армий и территорий. Свои деньги выпускали даже крошечные городки, вроде Армавира или Шполы, а также мелкие банды, трактиры и мельницы. Не беда, что изготовлены часто они были с помощью цветных карандашей и акварельных красок. Купюры попугайских расцветок имели хождение на определенном, пускай крошечном кусочке бывшей Российской империи, и обеспечивали свою ценность, если верить чернильным надписям на них, «золотым запасом государственного банка». Однако при обнаружении в ходе обыска подобной коллекции могли и к стенке поставить.

Кончилась братоубийственная смута, распустился ядовитый дурман – цветок нэпа. И вновь зажглись стяжательской страстью глаза собирателей. Наступило время – только не зевай. Из укромных уголков стали выплывать собиравшиеся десятилетиями ценности: драгоценный фарфор Попова и Гарднера, изделия мастерских Фаберже, западноевропейская и русская живопись. Стоили эти вещи в сравнении с мировыми ценами гроши. Впереди оказались бойкие иностранцы, воспользовавшиеся доверчивостью и бедственным положением советских людей. Да что там отдельные граждане! Само государство, якобы нуждавшееся в средствах для восстановления и развития экономики страны, развернуло невиданную доселе торговлю национальным достоянием. Из Эрмитажа и других знаменитых музеев в Европу и за океан перекочевывали полотна Тициана и Франца Хальса, драгоценные пасхальные яйца и средневековые фламандские гобелены… Именно отсюда берет свое начало знаменитая коллекция Арманда Хаммера. Однако, как известно: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Частнопредпринимательскую деятельность в сфере антиквариата вскоре прикрыли, хотя, конечно, собирать коллекции не запретили. Если ты известный писатель, академик, орденоносец или знатный стахановец, коллекционируй что угодно, хоть пивные бутылки. Правда, на обычных граждан, испытывающих тягу к собирательству, посматривали косо. Филателистов, например, в конце тридцатых годов поголовно пересажали, заподозрив за страстью к разноцветным проштемпелеванным кусочкам бумаги антисоветчину и шпионаж.

Потом грянула война, и вновь стало не до антиквариата. В блокадном Питере живопись великих мастеров меняли на краюшки хлебца. Однако именно война дала толчок новому интересу к антиквариату. Из поверженной Германии потащили разное добро. Конечно, существовали трофейные команды и комиссии, стоявшие на страже приоритетов государства, и в распределении ценностей строго соблюдалась должностная субординация. Добыча солдата, прихватившего фарфоровую пастушку или пару старинных монет, не шла ни в какое сравнение с добычей генерала или маршала, вывозившего трофейное добро вагонами. Безусловно, не все люди с большими звездами хапали, но это скорее были исключения. Если даже знаменитый писатель-орденоносец, к тому же граф Алексей Толстой приказал разобрать замечательный паркетный пол в каком-то польском замке и вывезти паркет к себе на дачу, что уж тут говорить о советских военачальниках, не получивших в детстве аристократического воспитания. Как бы там ни было, комиссионки наполнились разной «ерундой», среди которой знающие люди выуживали жемчужины.

– Артюша, какое время замечательное на дворе стояло: сорок шестой, сорок седьмой… Только поворачиваться успевай. Понатащили из Берлина столько добра, что казалось – конца-краю не будет. Почти как в двадцать четвертом годе, когда скончался вождь всех рабочих и крестьян, царство ему небесное. Тогда тоже много отличных вещиц всплыло, – рассказывал старец Колычев своему любознательному воспитаннику. – Только в нашем деле не это главное.

– А что? – доверчиво спрашивал Артем.

– Главное не товар, а клиент, – нараспев, как неразумному дитяте, внушал Колычев. – Запомни это, Артюша, и следуй сему правилу, как святой заповеди. При желании можно найти все, что угодно. Хоть Леонардо да Винчи или Рафаэля. Главное, было бы кому продать.

– Неужели и Леонардо? – не верил Артем, от изумления округляя глаза.

– А что ты думаешь! Вполне возможно. Прошло же совсем недавно сообщение в прессе: мол, на Урале, в каком-то там Нижнем Тагиле отыскалось полотно Рафаэля, принадлежавшее некогда не то Строгановым, не то Демидовым. Вот тебе и фунт изюму.

– Если бы ко мне попало подобное полотно, – вслух размышлял Артем, – я бы его себе оставил. Любовался бы…

– Вот и глупость! – ответствовал многоопытный старец. – Собирание собственной коллекции – главная беда торговца антиквариатом. А скажи мне: почему?

– Не могу знать. Объясните, пожалуйста, – вопрошал пытливый юноша.

– А потому, Артюша, – вещал мудрый старьевщик, – что, во-первых, отвлекаются определенные материальные средства, хотя сие не главное. А главное, становишься на скользкую дорожку нелепой одержимости, ведущей бог знает куда. Вот прикинь. Раздобыл ты, к примеру, полотно Рафаэля. Повесил в своей коммунальной комнатухе и любуешься на него. День любуешься, два любуешься… Потом твоя тщеславная душонка не выдерживает. И ты желаешь продемонстрировать шедевр. Кому? Ведь не соседу дяде Васе, для которого что Рафаэль, что Налбандян – все едино. Значит, человеку, который немного маракует в живописи, скорее всего, своему «брату» коллекционеру. И вот уже

слух о твоем сокровище гуляет по Москве-матушке. А тут и до греха недалеко. Могут явиться товарищи из органов и конфисковать вещь. Повод найдется. Могут, и того хуже, укокошить лихие людишки. Это крайние полюса, до которых дело может и не дойти. Но главное, друг мой, не в этом. Приобрел одного Рафаэля, захочется следующего. И тут начинается самое страшное. Тебя охватывает всепоглощающая страсть. Ты забываешь обо всем, мечешься в поисках сначала вещи, потом денег… И даже если ты нашел и то и другое, тебя тут же охватывают сомнения: а подлинник ли ты приобрел и не одурачили ли тебя, как ты еще совсем недавно дурил других. Ты пропал. Как говорится: продал дьяволу душу. И при этом ты прекрасно понимаешь, что всех Рафаэлей все равно не купишь. Это относится к любому виду собирательства. Поэтому, уж если жить без него не можешь, коллекционируй спичечные этикетки. Тем более что этот вид собирательства весьма моден.

Вот я всю жизнь торгую… э-э… подержанными вещами и никакого собрания не завел, – старичок хитро усмехнулся. – Да и состояния особого не скопил. К чему? Понимаешь, Артюша, привык довольствоваться малым. И в то же время ни в чем себе не отказывать. Захочется осетринки или буженинки, забегу в Елисеевский. Мясца парного – колхозный рынок рядом. Еще какого-нибудь деликатеса – да ради бога. Были бы деньги. И одеваюсь я, если ты заметил, не в продукцию «Москвошвея». Опять же столь нужный в моем возрасте отдых. Сочи, Ялта, Мацеста, Ессентуки – все к вашим… нашим услугам. Есть, конечно, у меня кубышечка на черный день. Не отрицаю. Но в ней ровно столько, чтобы не бедствовать на старости лет.

Безусловно, можно было бы перебраться в городские хоромы с электричеством и горячей водой. Но для чего? Здесь уютно и никто над душой не скрипит. Ты выгляни из оконца. Березки вон шелестят. А дале озерцо виднеется. Природа! На кой мне Тверская, ныне улица имени великого пролетарского писателя Максима Горького? Чад, вонь да праздношатающиеся толпы. Захочу посетить «Арагви» или «Националь», на таксомоторе свободно доберусь. Словом, мой бедный Артем, умеренность – вот золотое сечение нашей профессии. Умеренность и холодное сердце. Как говорят уголовнички, жадность фраера сгубила. И максимальное уважение к клиенту. Усек, сынок?!

Артем, конечно же, усек. Парень он был сообразительный и заслуживающую внимания информацию схватывал на лету. До поры до времени он оставался у старика Колычева на подхвате, но наступил и его час. Артем «встал на крыло» году эдак в пятьдесят седьмом, и случилось сие знаменательное событие как

раз в пору Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Еще задолго до начала этого международного празднества Колычев предрек наступление благоприятных для крупных коммерческих акций времен.

– Понаедет много иностранцев, – говорил он, понизив голос, хотя в комнатке с керосиновым освещением, кроме них двоих, никого не было. – Если заранее побеспокоиться и связаться с кем нужно, можно сорвать куш.

Артем считал старичка человеком крайне осторожным и потому удивился, услышав мысль о возможности контактов с иностранцами. Колычев, почувствовав недоумение своего подопечного, стал развивать идею дальше.

– Этот праздник с невнятным для русского уха именем «фестиваль» начнется через полгода, – вещал Колычев, глядя в окошко на заснеженный огород перед своей хибарой. – Кстати, есть такое латинское изречение, отчасти созвучное с названием данного, как бы это сказать… мероприятия. Festinf lente – торопись медленнее. Или по-нашенски: поспешишь – людей насмешишь. Допустим, я нахожу покупателя там, за бугром, на некую стоящую вещицу. Он присылает курьера под видом прогрессивного студента, скажем, из развивающейся страны, только что вставшей на путь социализма. Таможенный контроль, скорее всего, в дни фестиваля достаточно упрощенный, в отношении какого-нибудь эфиопа и вовсе станет формальностью. Теперь нужно определиться с товаром. Что любят буржуи? Ясное дело, Фаберже. Можем ли раздобыть? Безусловно. Но!.. Даже без учета художественной стоимости это – драгметалл. Если обнаружат, возникнут неприятности. Вещь будет конфискована, только ее и видели. Значит, ювелирка отпадает. Дальше?..

– Живопись! – вскричал понятливый ученик.

– Верно, – одобрил подсказку Колычев. – Но какая? Наших передвижников на Западе не ценят. Хорошие иконы? Могут возникнуть трудности с транспортировкой. Что-нибудь голландское или французское? Тут тоже есть отрицательные нюансы.

– Какие? – полюбопытствовал пытливый Артем.

– Сейчас поймешь. Сама фактура холста у опытного таможенника может вызвать подозрения. Опять же кракелюры…[5 - Кракелюры – характерная сетка из

мелких трещин на старых полотнах, образующаяся в результате растрескивания красочного грунта или лака картины.] Забьются при подмалевке. Полотно старое, его легко испортить. Я считаю: нужно остановиться на русском авангарде начала века.

– Кандинский, Малевич, Шагал… – вновь продемонстрировал эрудицию начинающий антиквар.

– Вот-вот. Именно. Там подобная живопись начинает пользоваться спросом, а у нас она пока никому не нужна. Абстракционизм ныне ругательное слово. Да и сами по себе холсты имеют относительно свежий вид. Если аккуратно подмалевать полотно легко снимаемыми красками, поменять подпись, внести еще кое-какие штрихи, картину совершенно спокойно можно выдать за современную работу какого-нибудь молодого советского живописца. Уткина, Гусева или, скажем, Воробьева…

Что нужно сделать дальше? Этот самый Воробьев желает продать свою картину «Над вечным колхозным покоем» некоему дагомейскому марксисту Агве, Симбе или Мбване. Живописец Воробьев пишет от руки, или лучше на машинке, справку, составленную в добротных бюрократических выражениях, где сообщает свои паспортные данные, почетные звания, если они имеются, а также сумму сделки, желательно небольшую, чтобы не напугать чиновников. Потом он отправляется в домоуправление, где за двести граммов тянучек «Кис-кис» паспортистка ставит на бумагу круглую печать. Теперь мы имеем документ, который можно предъявлять где угодно, а главное – на таможне. Господину Мбване вручается «Колхозный покой», и он преспокойно уезжает в свою Африку. Дело сделано.

– А оплата? – осторожно поинтересовался Артем.

– Деньги привозит тот же курьер. Тут все основано на доверии. Я заранее переправляю фотоснимки предлагаемых картин покупателю. Его полностью устраивает моя экспертиза, удостоверяющая подлинность полотна.

– Откуда вдруг такое взаимопонимание? – недоверчиво поинтересовался Артем. – Вы что же, знаете покупателя?

– Естественно. И весьма неплохо. От тебя у меня нет тайн. Дело в том, что покупатель – мой родной брат Александр, проживающий в городе Париже. В лихую годину он был выброшен волной эмиграции во Францию, где и обосновался. Со временем стал так называемым «маршаном» – торговцем живописью. У нас, видишь ли, это семейное занятие. Изредка мне удается поставлять ему товар. Весьма, конечно, сложными путями. Обычно через западных дипломатов небольшого ранга. Но это становится опасным, поскольку за каждым посольским работником время от времени, а иногда и постоянно ведется наружное наблюдение. К тому же дипломаты – господа, знающие себе цену, а посему просят слишком большой куртаж.[6 - Куртаж (устар.) – плата посреднику в сделке.]

– Чем же рассчитывается покупатель: рублями, долларами? А может, франками? – полюбопытствовал Артем.

– Рассчитывается обычно, – уклончиво ответил Колычев.

– Вы же предпочитаете не связываться с валютой.

Старичок досадливо крякнул. Видно, поворот в разговоре раздражал его.

– Погодим делить шкуру неубитого медведя, – оборвал он Артема. – Давай-ка лучше распределим обязанности. Моя забота – товар и подготовка его к транспортировке. Ты же должен найти художника со студией, у которого гость фестиваля приобретет на память о нашей стране два-три полотна, воспевающих социалистическое строительство. Я думаю, нужно будет организовать посещение этой студии не одним, а несколькими товарищами. У тебя, помнится, имелась знакомая в «Интуристе». Вот с ее подачи и должно быть организовано посещение мастерской лояльного советской власти живописца. Но в курс дела ее, конечно, посвящать не следует. Да и художника тоже. Проще всего нейтрализовать его в момент просмотра экспозиции.

– Как это? – испугался Артем. – Неужели?!. – И он выразительно провел ребром ладони по своему горлу.

– Ты вроде на идиота не похож, – одернул его Колычев. – Или придуриваешься? Это лишнее. Нейтрализуют богему чрезвычайно просто. Будто не знаешь как. Сначала одна рюмочка, затем другая… Словом, тебя учить не нужно. Главное,

отыщи подходящего человечка и обеспечь организацию мероприятия.

Такого лета, как лето 1957 года, Москва еще не видывала. В конце июля – первой половине августа центральные столичные улицы превратились в людской водоворот. На фестиваль приехали тысячи делегатов со всего мира. Если доселе вид черной физиономии, изредка мелькавшей в толпе, вызывал у москвичей, а тем более гостей столицы нездоровое любопытство, то теперь лица самых немыслимых оттенков мелькали повсюду. Еще немыслимее были наряды делегатов: просторные, ярчайших цветов, одежды жителей Габона и Млаи, белоснежные бурнусы и галабии арабов, пончо и широкополые шляпы латиноамериканцев… За иностранцами сломя голову бегали мальчишки, выпрашивая и обменивая значки, почтовые марки и прочие экзотические сувениры.

Впрочем, не только ребятишки искали встреч с прогрессивной молодежью земного шара. Значки, конечно, вещь замечательная, вот только стоят копейки. Куда больший интерес представляли жевательная резинка, сигареты, кока-кола. А уж о нейлоновых чулках, башмаках на толстенной белой каучуковой подошве – «манке», невесомых капроновых плащах «болонья» или американских джазовых пластинках в пестрых обложках и говорить не приходится. Это уже реальный товар, за который можно выручить приличные деньги.

Понимая, что праздник весьма быстро закончится, предприимчивые пареньки и девчата старались, пользуясь моментом, «обогатиться». В качестве предметов обмена фигурировали матрешки и расписные деревянные ложки, разного рода «древности» вроде икон из «состаренных» с помощью морилки досок, на которые были наклеены бумажные репродукции, сверху покрытые лаком. Подобным же образом изготовлялись «палехские» шкатулки. Особо бойкие комбинаторы умудрялись всучивать доверчивым иноземцам старые велосипеды, швейные машинки и деревянные корыта для стирки белья, больше похожие на древние колоды-гробы. Отдельные морально неустойчивые девицы расплачивались собственными телесами.

Надзирающие органы смотрели на подобный разгул нездоровых страстей неодобрительно, но не вмешивались, разумно считая, что две недели можно и потерпеть, а уж потом кое-кого придется взять «за ушко, да на солнышко».

Артем, будучи студентом и общественником, тоже оказался задействован в празднествах и ревностно исполнял комсомольское поручение, опекая группку молодых африканцев из далекого города Дакар. По странному совпадению, среди них оказался и тот самый курьер, которого с нетерпением ждал старец Колычев. Это был изящный, тонкий, как тростинка, юноша, отзывавшийся на имя Франсуа.

Нужно заметить, что Артему нравилось общаться с чернокожими представителями братской Африки. Дакарцев было четверо: упомянутый Франсуа, такая же стройняшка Лейла и супружеская пара смешанного арабско-негритянского происхождения – студенты Сорбонны, постоянно проживавшие в Париже. Он болтал со своими подопечными на смеси из французских, английских и русских слов, и все прекрасно понимали друг друга.

Прошла неделя дружбы, и в круговерти ежедневного карнавала Артем уже стал забывать, зачем, собственно, все затеяно. Однако Франсуа неожиданно заявил, что желает познакомиться с настоящим русским художником, желательно прогрессивным, его поддержала супружеская пара из Сорбонны, и только Лейла не проявила к русскому авангардизму особого интереса.

Подходящий живописец был Артемом давным-давно найден. Он проживал на Шаболовке, в старом двухэтажном доме, где на чердаке оборудовал студию. Звали художника Семеном Афанасьевичем Филаретовым. Возраст – где-то за пятьдесят. И на своем подвижническом пути он освоил практически все живописные направления, начиная от соцреализма и кончая абстракционизмом. Был Семен Афанасьевич бородат, угрюм и немногословен. И, что особенно устраивало Артема, постоянно полупьян. Артем познакомился с Филаретовым месяца два назад, купил пару работ и несколько раз пил с ним водку. Казалось, с новым знакомцем установилось взаимопонимание. Вчера Артем забежал к нему, притулил в углу пару заранее подготовленных для продажи полотен и сообщил, что завтра явится с иностранцами, которые собираются купить у него несколько картин. Если Филаретов и обрадовался подобному обстоятельству, а свои творения он продавал крайне редко, то виду не подал. Он мрачно кивнул головой в знак согласия.

– Я еще несколько своих картинок хочу им всучить, – указал Артем на поставленные в угол полотна. – Так ты, Афанасьич, не мешайся, если что… Тогда и тебя не забуду.

Появление живописной группы чернокожих иноземцев во главе с Артемом вызвало у жильцов дома неподдельный интерес. Сбежалась окрестная ребятня, старушки соскочили со своих лавочек и робко приблизились к дакарцам.

– Черны-то как! – слышалось из толпы. – Страсть! Ну галоша галошей… Арапы… И девки с ими…

Пришельцы вращали белками глаз и скалили сахарные зубы в добродушных улыбках.

Бесцеремонно растолкав общественность, Артем вошел в пропахший кошками подъезд и поднялся в студию. Африканцы гуськом следовали за ним. В студии витал застарелый аромат масляных красок и лука. Хозяин, в обществе белобрысого худосочного существа женского пола в накинутом на голое тело халате, сидел перед застеленным газетой столом. На столе предстал классический натюрморт, который так любят рисовать живописцы: рядом с початой бутылкой водки лежали помидоры, сало и хлеб. Пиршество, похоже, только началось.

– Вот, – сообщил Артем, – привел…

– Хелло, – отозвался хозяин. – Располагайтесь, товарищи. А это Зина, – он указал на белобрысую. – Натурщица.

Гости уселись на низкой самодельной застеленной рваными коврами тахте и стали с любопытством оглядываться по сторонам. Стены студии были завешаны и заставлены многочисленными полотнами. Сквозь застекленную часть потолка били лучи неистового августовского солнца. В столбах света клубились пылинки. На крыше возились и ворковали голуби. Обстановка выглядела явно романтической и чуть таинственной. Даже бедная закуска на газетном листе усиливала ощущение вечного праздника творческого духа.

– Эти ребята… то есть господа желают посмотреть… э-э… экспозицию. Вернисаж, одним словом, – запинаясь, сообщил Артем, которого почему-то охватила не свойственная ему робость.

– Вернисэж, вернизэж… – загомонила студенческая пара, услышав знакомое слово.

– Зинуля, покажи… – распорядился хозяин.

Белобрысая натурщица поднялась с табуретки и молча проследовала к ближайшей картине. Халат, как оказалось, был не застегнут, и все ее скромные достоинства были явлены на всеобщее обозрение. Нисколько сим фактом не смущаясь, Зина взяла первое попавшееся под руку полотно и, встав прямо посреди падавшего сверху солнечного столба, подняла картину на вытянутых руках. На полотне был изображен трубящий в горн пионер в коротких штанишках.

– О! – воскликнули студенты, восхищенные не то выправкой юного ленинца, не то пышным желтоватым треугольником волос на Зинином лобке.

– Бесовщина, – недовольно произнес Филаретов. – Убери!

Тогда натурщица начала рыться в груде полотен, потом извлекла еще одну работу и так же вскинула ее ввысь.

На новом полотне оказалась изображена сама Зина, на которой отсутствовал даже халат. Сходство было полным.

Шепот пробежал меж восхищенными зрителями.

– И опять не то, – прокомментировал показ хозяин. В его голосе послышались предвещающие грозу раскаты.

– Давай, Афанасьич, я сам покажу, – вступил в действие Артем, опасаясь непредвиденных ситуаций. Он вытащил из угла домашние заготовки и поставил их перед зрителями.

– Кандинский! – воскликнул догадливый парижский дакарец.

Артем похолодел. Это был действительно Кандинский.

– Ваш Кандинский – говно!!! – неожиданно рявкнул Филаретов. – Мазила бездарный.

– Не горячись, Афанасьич, – успокоил его Артем. – Чего гостей пугаешь? Лучше выпей.

Филаретов охотно наполнил свой стакан, потом, искоса глянув на Зину, плеснул и ей.

– Эти будут? – спросил он у Артема, указывая на африканцев.

– Они водку не пьют.

– Нехристи! Кашасу им подавай? Нет у меня кашасы! – заорал Филаретов, видимо, вспомнив читанного в детстве Жюля Верна.

Гости стали испуганно переглядываться. Артем сделал успокаивающий жест руками.

– Полегче, Афанасьич, – одернул он разбушевавшегося хозяина. – К тебе пришли как к ведущему представителю отечественной живописной школы, а ты вопить начинаешь.

– А чего они Кандинского вспомнили?! Тут я живу, а не Кандинский.

Тоненький Франсуа сделал неопределенное движение пальцами, словно подзывал официанта. Артем прекрасно понял его жест. Он убрал обе картины в сторону, потом достал заранее припасенный холщовый мешок, упаковал полотна сначала в бумагу, а затем в мешок, перевязал бечевкой и вручил Франсуа.

– А деньги? – взволнованно воскликнула молчавшая доселе натурщица.

– Расчет будет произведен через внешнеторговую организацию, – строго сказал Артем. – Вот вам пока пятьсот рублей. А это в качестве утешения. – И он извлек поллитровку.

Супруги-студенты, перерыв все холсты, купили в конце концов пионера с горном и еще одну картину – пейзажик с церквушкой на заднем плане, чем привели хозяина в умиление. Повторяя, что кашасы у него не водится, он все же заставил иностранных гостей выпить с ним. Пригубили по одной, потом по следующей… И веселье понеслось.

Лейла подошла к Зине, по-прежнему пребывавшей в незастегнутом халатике, провела пальцем по пышной растительности и поинтересовалась:

– Est ce colorier? Vrai?[7 - Это покрашено? (фр.)]

– C'est naturel,[8 - Естественный цвет (фр.).] – спокойно отозвалась натурщица…

И они принялись оживленно щебетать по-французски. В разговор включились и остальные гости. Только Филаретов не принимал участия во всеобщем веселье. Он, пригорюнившись, сидел за столом. По бородатому лицу текли слезы. Живописец что-то невнятно бормотал про бедственное положение российской творческой интеллигенции, не имеющей средств на покупку кашасы.

Улучив момент, когда веселье полностью захватило массы, Франсуа толкнул Артема в бок и попросил отвести его в туалет. Гид привел африканца в нужное место и хотел было удалиться, но Франсуа знаками показал, что Артем должен остаться. Недоумевая, Артем выполнил просьбу Франсуа. Возможно, у них в Дакаре такой обычай, решил он. Один справляет нужду, а другой охраняет, чтоб крокодил, скажем, не утащил.

Скоро послышался шум спускаемой воды, на пороге «комнаты уединения» показался явно довольный Франсуа и протянул Артему какой-то сверток. Тот от неожиданности отпрянул. Сие действие не поддавалось объяснению. Однако Франсуа, вытаращив и без того большие глаза, настойчиво совал сверток Артему. Наконец тот решился взять странный подарок и чуть не уронил его на пол, настолько сверток оказался тяжел.

– Money… денга… бери… – скороговоркой пробормотал Франсуа. И только тут Артем понял, что сверток представлял собой пояс, находившийся на теле дакарца и совершенно незаметный под широкими одеяниями. В поясе, судя по изрядному весу, было золото.

– Ну вот, – сказал на следующий день старичок Колычев, высыпав на стол содержимое пояса. – Все прошло как нельзя лучше. – Он стал пересыпать золотые монеты из ладони в ладонь, видимо, наслаждаясь их звоном. – Когда-то у нашего семейства их имелось неизмеримо больше, а теперь… – он вздохнул и махнул рукой. – Но и это тоже неплохой куш. Обрати внимание, монеты только царской чеканки. Теперь нужно их реализовать и поделить навар. А, сынок?! Доволен?! Куплю «Победу». Тебе нравится «Победа»? Запишу ее, конечно, на себя, чтоб не возникало лишних разговоров, но водить будешь ты. Или нет, не «Победу». Сейчас, говорят, какой-то новый автомобиль появился? Еще шикарнее.

– «Волга», – подсказал Артем.

– Вот-вот. Купим «Волгу» и двинем в Крым. Ты за рулем, мы с Лидой сзади. Высадишь нас в каком-нибудь пансионате, а сам – вперед по побережью. Все девицы твоими будут.

– Тут на десять «Волг» хватит, – осторожно заметил Артем.

– И жилищные условия тебе пора улучшить. А то что же получается. Живешь в коммуналке, да еще в бараке. Пора переселяться в более приличное место. Учиться еще год осталось? Нужно о трудоустройстве подумать. Ты как, в столице желаешь остаться, а может быть, тебя грандиозные стройки привлекают или целина?..

– Я бы предпочел Москву, – скромно сообщил Артем.

– Нет проблем. Художественно-реставрационная мастерская тебя устроит? Помогу чем могу. Ты же для меня – как сын. А к родным детям нужно относиться бережно, иначе они стариков забывают.

Глава 4

БАРИН ИЗ ПАРИЖА

Дети мои! Каждое дело творите, сначала проверив все, чтобы не оказаться прельщенными дьяволом. А то может случиться, что с добродетелью зло переплетется, тогда виноваты будете перед Божьим Судом…

«Повесть о путешествии

Иоанна Новгородского на бесе»

С той памятной поры прошло девять лет. Из хиловатого, недокормленного юноши, каким выглядел тогда Артем, он превратился в крепкого, чуть полноватого тридцатилетнего мужчину с уверенными повадками знающего себе цену подпольного дельца. На загорелом, вечно усмехающемся лице ярко, как у мартовского кота, горели глаза цвета недоспелого крыжовника, наметившиеся залысины добавляли солидности. И только от одной простительной слабости он никак не мог избавиться. Артем так и не научился солидно, со вкусом одеваться. Да, вещи он носил дорогие. Но обращался с ними столь небрежно, что подчас своим видом напоминал бродягу. Неизменная холщовая котомка, с которой он никогда не расставался, еще более усиливала подобное впечатление.

Тем не менее в определенных кругах он пользовался большим авторитетом.

Сцены, описанные выше, не относятся напрямую к ходу нашего повествования, однако как нельзя лучше характеризуют нашего героя и его наставника Колычева.

Именно к нему, Колычеву, направлялся сейчас Артем.

В жизни старичка тоже произошли определенные изменения. Его ненаглядная супруга Лидия Павловна скончалась несколько лет назад, а место, занимаемое раньше хибарой, отошло к территории Сокольнического парка культуры и отдыха. Однако Колычев отнюдь не бедствовал. Он давно оставил преподавание в институте, но был активным функционером Союза архитекторов СССР, даже состоял в правлении. Именно это позволяло ему постоянно разъезжать по заграницам. Вот и сейчас он только-только вернулся из Франции, где провел чуть ли не три месяца, гостя у родного брата, о котором мы уже упоминали. Да и с жильем проблем не имелось. Получив компенсацию (и, нужно отметить, благодаря связям в Мосархитектуре, не маленькую) за свою хибару, он приобрел весьма приличный домик в поселке Сокол.

От Ленинградского проспекта, на котором проживала профессорша Ладейникова, до Малого Песчаного переулка, где обитал Колычев, буквально пять минут езды. Довольно часто бывая здесь, Артем постоянно поражался, как это в центре Москвы сохранился столь живописный уголок живой природы с одноэтажными домиками-коттеджами дачного типа, свищущими по весне соловьями, яблонями, на которых ныне дозревали плоды. Старичок оставался верен себе. И хотя в домике имелось электричество, под потолком все так же висела древняя керосиновая лампа с ядром-противовесом, а стены по-прежнему украшали старинные фотографии. Казалось, здесь ничего не изменилось, хотя и комната была другая, и сам дом – другой.

Колычев оказался дома. Он вышел к крыльцу на звук подъехавшей машины и, увидев Артема, радостно разулыбался. Колычев выглядел точно так же, как и много лет назад. Про таких людей говорят: «все время в одной поре». Покрытая пухом голова огурцом, мясистый, слегка вздернутый нос, за сильными линзами круглых очков в золотой оправе громадные, как у филина, серые блекловатые глаза. И тщедушен он был все так же, казалось, в чем душа держится. Но Колычеву далеко за семьдесят, а жалоб на здоровье Артем от него почти не слышал.

– Здравствуй, Артюша. Дай-ка я тебя обниму после долгой разлуки. – Старичок обхватил питомца крепенькими ручками и клюнул в щеку. – Вот так, по русскому обычаю! Надоели, понимаешь, эти лягушатники. Только дома душой и отдыхаю. Ну, проходи, проходи… Да не в хату, там душновато, а в монплезир.

Монплезиром Колычев называл просторную, увитую хмелем беседку на задах домика. Тут имелся столик, на котором стояли постоянно попыхивающий самовар, вазочка с вареньем и тарелка с сушками, пара тростниковых кресел и небольшая кушетка с двумя расшитыми пестрыми мулине подушками-думками. Колычев усадил гостя в кресло, сам сел напротив.

– Ну, рассказывай, что тут у вас творится?

– А может быть, сначала вы поделитесь путевыми впечатлениями?

– Да какие там впечатления. Сидел, понимаешь, в жарком Париже. Правда, на пару недель съездил в Нормандию, вот где красота… Только за то, чтобы на Сен-Мишель полюбоваться, можно полжизни отдать. Представляешь, из голубизны

моря встает как в сказке собор с остроконечными шпилями, окутанный дымкой и словно спустившийся с небес. Фантастика! А Париж? Ну что Париж! Словами не расскажешь. Находился я по антикварным салонам и лавочкам. Часами бродил по левому берегу Сены, где расположились букинисты. Отвел душу. Есть все! Цены самые разные. Многое значительно дешевле, чем у нас. Что-то несравнимо дороже. Разброс цен вызывает удивление. Хотя совершенно понятно, их диктует спрос. Взять, к примеру, гравюры… Впрочем, на время прерываюсь. О тамошних делах можно рассказывать бесконечно. Ты лучше про здешние новости доложи. Все ж таки я три месяца отсутствовал.

В беседку заглянула немолодая дородная женщина с круглым простоватым лицом, выполнявшая у Колычева функции домоправительницы, поинтересовалась:

– Не нужно ли чего?

– Раздуй самоварчик, Людмила Васильевна, а то остыл, да чайку для гостя свеженького завари.

– Я, собственно, приехал с вами посоветоваться, – начал Артем. – Приобрел, понимаете, одну вещицу… Сейчас принесу.

Артем достал из машины коробку с эмалями и вернулся в беседку.

– Вот, взгляните.

Колычев минуты две разглядывал эмали.

– Неплохо, – заключил он. – У кого приобрел?

– Тут несколько невнятная история. Купил я их у одной старушки. Живет за гостиницей «Минск», в Дегтярном переулке. Познакомился с ней возле комиссионки в Столешниковом. Дряхлая такая бабулька, мотается у входа, в руках держит вот этот крестик. Оценщик, говорит, дает сущие гроши, а вещь стоящая. Я поинтересовался: каков же ее запрос? Старушка назвала цену. Семьдесят рублей, кажется…

Колычев засмеялся.

– Вот-вот. И мне смешно стало. Но для порядку сбиваю цену: пятьдесят. Бабка и на это согласна. Оценщик ей, по-моему, всего червонец предлагал. Достаю бумажник… А она говорит: «У меня еще есть две эмали». Беру адрес. Вечером являюсь… Громадная коммуналка, лепнина на потолках… Народ по коридорам снует взад-вперед… Захожу к ней. Очень убого. Комната большая, но почти пустая, под потолком лампочка еле светит. Старушка достает из древнего шифоньера вот эту самую коробку. Откуда вещи, спрашиваю? Мнется. По наследству, мол, достались. От кого? Опять замешательство. Словом, я не стал лезть в душу, дал еще сотню и забрал… Спросил только: нет ли чего еще? Нет, говорит. Последнее. По-моему, эти эмали когда-то у кого-то увели. Только лежали у бабки они давным-давно. Я в полумраке, честно говоря, не больно-то их и разглядел. Но чую: товар стоящий. Похоже, Византия. И коробка, опять же… красное дерево. Я, по первому наитию, решаю эмали с ходу задвинуть. Иду к Флавицкому… Да, говорит, прекрасная работа, но в средствах нынче стеснен. Флавицкий-то! Ладно. Дальше к Боткину. Этот и вовсе утверждает: подделка. Прекрасно исполненная, спору нет, но тем не менее. Мол, сработана в Питере, еще до революции каким-то там… забыл фамилию, весьма причудливая…

– Сабин-Гус?

– Точно! Все-то вы знаете. Тем не менее Боткин предлагает пятьсот. За подделку! Я засомневался. Вроде и с наваром остаюсь, а червячок гложет. Чувствую: дурит! Решил погодить. С месячишко полежали эмали у меня. Разговоры о них по Москве ходят, может, думаю, кто нормальную цену предложит. И точно. Звонит мне Вартан и заводит разговор об эмалях.

– Это нынешний муж профессорши Ладейниковой? – поинтересовался Колычев.

– Он самый. Приезжаю. Вартан без разговоров отваливает тысячу двести и говорит спасибо. Я, понятное дело, в восторге. Подделка, не подделка… Пойдут разговоры, пересуды… Сами знаете, как в нашем деле. У товара появляется дурная репутация. Потом и вовсе не избавишься. Проходит какое-то время, раздается звонок. Некий неизвестный мне человек интересуется эмалями. Отвечаю: проданы. А нельзя ли их вернуть? И предлагает… пять тысяч! Я спрашиваю: где гарантии, что это не шутка? И получаю весьма оригинальный ответ: коли беретесь вернуть, завтра на ваш адрес поступит перевод на половину означенной суммы. Каково?! Тем не менее я отказываюсь, поскольку

идти к Вартану и унижаться перед ним мне не с руки. Неизвестный говорит: если, мол, передумаете, позвоните, и оставляет телефон. Проходит еще неделя, и вдруг я узнаю: армяшка сидит.

– Вартана арестовали? – удивленно поднял брови Колычев. – За что же, интересно?

– Точно не знаю. Ходит слух – за валюту. Так вот. Как только меня достигает эта информация, отправляюсь к Ладейниковой и выкупаю у нее эмали.

– И она так просто их отдает?

– Пришлось поуламывать, но главное, товар я получил. И с дисконтом.

– А теперь собираешься звонить таинственному незнакомцу?

– Естественно. Иначе с какой бы стати я старался? Лично мне эти эмали не нужны. Но, откровенно говоря, у меня до сих пор сохраняется чувство, что тут дело нечисто.

– То есть?

– И эти речи о подделке, и то, как легко осторожный и скупой Вартан выложил за вещи приличные деньги, а главное, этот телефонный звонок. Вот я и пришел посоветоваться с вами.

– Ясно. Действительно, странноватые дела творятся. Пойдем в дом, я должен внимательно посмотреть на эти эмали.

– А чай?! – воскликнула появившаяся в проеме беседки домоправительница с самоваром в руках.

– Погоди, Людмила Васильевна. Мы не надолго.

Артем прошел следом за Колычевым в комнату, именуемую кабинетом, – небольшое помещение, казавшееся и вовсе крошечным из-за обилия заполнявших его книг. Здесь царил полумрак. Небольшое оконце занавешено.

Солнечные лучи, по мысли хозяина, не должны попадать на золоченые корешки старинных томов, расставленных по стеллажам. На массивном, крытом зеленым бильярдным сукном письменном столе стоял чернильный нефритовый прибор с позолотой, украшенный фигурой спящего льва, тут же возвышался медный, начищенный до блеска микроскоп, а напротив – лампа с абажуром зеленого стекла.

Колычев щелкнул выключателем. Мягкий свет залил кабинет, от чего в нем стало как-то по-особенному уютно. Старичок уселся, взял у Артема коробку с эмалями, достал из кожаного футляра мощную лупу и принялся их внимательно изучать. Артем стоял у него за спиной, посапывая от нетерпения.

– Сядь пока, – не оборачиваясь, сказал Колычев, – а то твое пыхтение мешает сосредоточиться. Вообще ты, Артемий, за последнее время чересчур раздобрел. Необходимо скинуть пяток-другой кило. Лишняя нагрузка на сердчишко. Ведь ты еще молод. Бери пример с меня. Семьдесят три – а мотор работает как часы «Бреге». Печень иной раз пошаливает… Но слава богу, на здоровье не пеняю.

– Значит, так, – после длительного молчания продолжил Колычев. – На мой взгляд, эмали подлинные, хотя я, конечно, не великий специалист в данной области. Прекрасные работы. Думаю: X–XI век. В Париже я встречал нечто подобное. Навскидку стоят две-три тысячи долларов. Возможно – больше. Но это там! Вообще-то, эмали – не такая уж редкость, и я не понимаю, почему вокруг них возник ажиотаж. Правда, Иоанн замечательный. Более того, он мне что-то очень напоминает. Не то я видел подобное, не то читал… Очень давно. По этой причине и запамятовал. Но если ты мне его оставишь на время, я постараюсь разобраться.

– А как же клиент? – возразил Артем.

– Да очень просто. Ты, конечно, ему сегодня позвони и скажи, что эмали, мол, для вас купил, но одна временно отсутствует. Однако она обязательно появится через день-другой.

– Но вы же знаете: так дела не делаются. Клиент может послать меня подальше.

– Не пошлет. Если эмали ему действительно нужны, не пошлет! Заодно и посмотришь на него, определишь, что за человек, и мне потом доложишь. Ведь

странно получается: человек готов выложить такие деньги, а мы о нем ничего не знаем. Ты можешь позвонить прямо сейчас. Да, так и нужно поступить. – Колычев указал на телефон, стоящий здесь же, на отдельной тумбочке. – Надеюсь, номер у тебя имеется?

Артем достал из заднего кармана потрепанную записную книжку и стал перелистывать довольно засаленные страницы.

– Ага. Вот. Б8-25-39, Иван Николаевич…

– А фамилия?

– Не назвался.

– Телефон рабочий или домашний?

– Да откуда я знаю!

– Не горячись, Артюша, – успокаивающе произнес Колычев. – Что-то ты сегодня чересчур возбужден. Не понимаю почему?

– Не нравится мне спешка. Давай звони… Да и с эмалями этими… Что я сейчас ему скажу? Товар есть, но не в полном комплекте… Очень мило! А он в ответ: «Как это понимать: не в полном комплекте?! Ставлю под сомнение вашу репутацию». И будет совершенно прав. Может, не стоит звонить именно сейчас? Ведь не горит. Изучайте эмали на здоровье. Два дня… неделю… сколько нужно. А как только разберетесь, тогда я и свяжусь с клиентом. Может, эти цацки стоят значительно дороже?

– Ни хера ты не понимаешь в жизни, Артюшка! – неожиданно разъярился старец. – Учил тебя, учил… Как на рыбалке? Сначала лещ или язь обсасывает наживку, не торопится ее заглотить, но и удильщик ждет, смотрит на поплавок, выжидает. Не спешит раньше времени подсекать.

– Ну так и я…

– Что – ты? Что?!! Взгляни сначала на клиента. Уясни, кто он таков, чем дышит. Может, это подстава. Органы! С чего это вдруг дает тебе столь высокую цену? Он что же, не знает, сколько ты за эмали просил?

– Н-да, – задумчиво произнес Артем. – В какой-то степени вы правы.

– Не в какой-то степени, а полностью прав! Ты же сам почуял некий подвох? Вот и разберись досконально. Звони!

Артем набрал номер. Ответил женский голос. Артем попросил к телефону Ивана Николаевича. Поинтересовались: кто спрашивает и по какому вопросу.

– Скажите: по поводу эмалей. Он знает…

На другом конце провода, казалось, не выразили удивления. Через полминуты в трубке послышался басовитый мужской голос:

– Слушаю вас.

– Здравствуйте. Это Артем. Вы интересовались византийскими эмалями… Припоминаете?

Артему показалось – возникшая легкая пауза вызвана недоумением таинственного Ивана Николаевича.

– Ах да. Конечно! Достали? – И вновь в голосе человека на другом конце провода Артему послышалась плохо скрытая фальшь, словно за интересом к эмалям крылось нечто другое. «Может, старик прав, – холодея, подумал Артем, – и этот Иван Николаевич из милиции или, того хуже, из ОБХСС?»

– Достал, – отозвался он. – Только…

– Значит, так, – голосом, привыкшим повелевать, перебил Иван Николаевич. – Через час встречаемся на Пушкинской площади, на скамейке слева от памятника, если смотреть на кинотеатр «Россия». Вас устраивает? – спросил он таким тоном, словно и не ожидал отрицательного ответа.

– Вполне, – отозвался Артем. – Вы меня легко узнаете. Рыжеватые волосы, в руках холщовая сумка, вроде торбы. Буду насвистывать. Знаете песенку «Расскажи-ка мне, дружок, что такое Манжерок…» Вот ее…

– Ну что? – с любопытством спросил Колычев.

– Назначил встречу у памятника Пушкину через час. Похоже, начальник какой-то… Говорит, словно диктор Левитан, прямо рокочет. Сдается мне: ему эти эмали и на фиг не нужны.

– Вот видишь! Взглянуть на него нужно. Может, меня с собой возьмешь?

– С удовольствием.

– Вот и замечательно. Теперь вот еще что. Две эмали, которые ты ему отдашь, вручишь без этой громоздкой коробки. В ней осталось пустое гнездо от Иоанна. К чему акцентировать? Сейчас переложу их в другую упаковку. Послушай, а ты не знаешь, что такое Манжерок? Идиотская такая песенка по радио целыми днями звучит. Прямо в зубах навязла. Я уж и в энциклопедию лазил… Нет ответа! – Колычев огорченно всплеснул руками. – И откуда он взялся, этот Манжерок? Ладно, черт с ним. Пойдем чаю попьем. Время еще есть. Расскажи, как поживает вдовица?

– Вы о Ладейниковой? Знаете, показалось, не очень она горюет по своему восточному мужу.

– Никогда ее не видел, но наслышан. Говорят, весьма пикантная дама, хотя и со странностями.

– Вы разве не бывали в доме у профессора?

– Представь себе, ни разу.

– Но почему? Ведь, несомненно, имели с ним многочисленные дела. Я хорошо помню: первый мой выход в свет в качестве вашего… э-э… помощника был именно к Ладейникову.

– Не любил я этого человека. – Колычев поморщился. – Встречался с ним, безусловно, но в гости к нему не хаживал. У него весьма нелестная репутация была… Темная, я бы сказал. Поговаривали, что будто он – сектант.

– А вам какая разница? Хоть буддист.

– Чуть ли не таг-душитель.[9 - Таг-душитель. Правильнее – туг. Туги – индийская секта почитателей «черной богини» Кали. Практиковали ритуальные убийства.] Правда, это всего лишь слухи, причем крайне неопределенные. Имелся у меня один знакомец, в прошлом – масон. Вот он рассказывал: нечто подобное имело место еще до революции…

– Ну, вы хватили! Вспомнили старосветские времена. Годков Ладейникову сколько было?

– Не знаю, но поболе, чем мне. А выглядел он очень даже моложаво. Ты чай-то пей, скоро поедем. Варенье, между прочим, кизиловое. С некоторых пор мое любимое. Замечательно Людмила Васильевна его мастерит. С большим, я бы сказал, знанием дела. Так вот, о Ладейникове. Ходили на его счет и другие россказни, я бы сказал, более зловещего свойства, чем нелепое ныне идолопоклонство рогатой нечисти. Утверждали, что Ладейников был шпионом.

– Какой же страны? – стараясь не прыснуть, невинно спросил Артем.

– Ты, Артемий, зря хихикаешь. Впрочем, нам пора отправляться на рандеву. Поехали, в машине дорасскажу.

Они сели в «Волгу». Артем тронул машину, а Колычев продолжал:

– Так вот. Шпионом Ладейников был отнюдь не иностранным, а стучал в соответствующие органы, ты прекрасно знаешь в какие. Доподлинно известен следующий факт. Когда после пятьдесят третьего года оттуда, – Колычев указал большим пальцем себе за плечо, – стали возвращаться, некий его бывший сослуживец по Первому медицинскому явился прямо на кафедру и прилюдно плюнул ему в лицо. Возможно, он желал произвести еще и физические действия, но опасался последствий.

– А плевок разве не физическое действие? – иронически поинтересовался Артем.

– Не придирайся к словам. Его и так в институте недолюбливали, а после того случая многие вообще здороваться перестали. Правда, насколько я знаю, Ладейникова данное обстоятельство не особенно угнетало. Непонятно также, откуда он черпал средства на пополнение своей коллекции. Конечно, профессор, доктор наук зарабатывает весьма прилично. Да плюс публикации… И все равно, тратил он, по моим подсчетам, значительные суммы. А главное, ничего не продавал.

– Я тоже обратил на это внимание, – согласился Артем. – Ведь большинство коллекционеров, постоянно приобретая, одновременно и продают или хотя бы меняют… А этот ни-ни!

– Именно. Вообще странная личность. И смерть его лично у меня вызывает недоумение.

– То есть? – удивленно спросил Артем. – Ведь он умер от сердечного приступа. Мне Манефа говорила, их домработница.

– Если бы! Это они так утверждали. А на самом деле, по моей информации, случилось следующее. Он возвращался из института домой и… исчез. – Колычев сделал многозначительную паузу, ожидая реакции Артема.

– То есть как исчез?

– А очень просто. Как у нас люди исчезают. Пропал без вести. Ночь прошла, его нет. Утром на работе тоже нет. Жена, естественно, какой бы ленивой и равнодушной она ни была, забила тревогу. В институте тоже переполошились. Милиция начала поиски. Нет человека, и все тут! Исчез! Недели через три как будто нашли.

– Что значит: как будто?

– Дело происходило летом. Обнаружили его в лесополосе, возле станции электрички. Непонятно, как он туда попал, ведь жил здесь рядом, на Ленинградском… Следов насильственной смерти не обнаружили. Абсолютно гол:

ни вещей, ни документов… Да и само тело… – Колычев крякнул. – Словом, не в лучшем виде. Может, это вообще был не он.

– Но ведь существует опознание? Родственников вызывают, знакомых… Наверное, приглашали жену, Манефу…

– Естественно, близкие подтвердили скорбный факт. Опознали, как там его звали?.. Эрастом, кажется. Как героя повести Карамзина «Бедная Лиза», – Колычев хрюкнул. – А почему бы им не опознать?

– Вы, Михаил Львович, какими-то загадками говорите. Это, выходит, не он, что ли, был?

– Вот уж не знаю, Артюша. И, откровенно говоря, знать не желаю. Только думаю: дело тут нечисто.

«Волга» приближалась к Пушкинской площади.

– Как будем действовать? – спросил Артем.

– Поставь машину напротив «Известий» и отправляйся на встречу, а я пойду следом и со стороны погляжу на этого загадочного человека.

Небо внезапно потемнело, по верхушкам деревьев пронесся мгновенный яростный вихрь, громыхнуло, и на землю стеной обрушился теплый ливень. Он молотил по площади лишь пару минут и понесся дальше, но все находившиеся в сквере мгновенно промокли до нитки. Вымок и Артем. Он крутился возле мигом опустевших скамеек, чувствуя себя последним идиотом, пытался насвистывать «Манжерок», размахивал из стороны в сторону сумкой, привлекая к себе внимание. Но тщетно. Клиент не шел. Краем глаза он видел прогуливающегося поблизости Колычева. От дождя старичка защищал старомодный зонт с черепаховой рукоятью.

Запасливый черт, с завистью подумал Артем, утирая лицо и провожая взглядом стайку босоногих девиц. Легкие платьица, промокнув, весьма соблазнительно облепили стройные фигурки. Девчонки визжали от восторга и размахивали

снятой обувью.

– Ты, мужик, не ждешь ли кого? – прозвучало над ухом.

Артем обернулся. Перед ним стоял высокий, атлетического сложения парень, похожий на боксера. Сломанный нос придавал лицу парня угрожающее выражение.

– Допустим, жду, – так же нагловато ответил наш герой. – А что?

Он прикинул свои силы. В центре всегда шлялось разное отребье, готовое сотворить любую пакость: обобрать простака, снять часы у пьяного, «дать в морду» интеллигенту в шляпе. Соотношение сил оказывалось явно не в пользу Артема. От старичка проку было мало.

– И тебя Артемом кличут? – не отставал «боксер».

– Ага.

– Меня прислал Иван Николаевич, – сообщил парень. – Ты ему должен что-то передать?

«Вот оно! – лихорадочно соображал Артем. – Сейчас начнется… Под белы ручки и на Петровку».

– Да не бзехай, – усмехнулся «боксер», видимо, уловив ход мыслей нашего героя. – Давай вещь, получи бабки. – И он протянул Артему сверток. – Можешь не пересчитывать – пять «штук», как в аптеке. Ну, будь, зайчик.

Сравнение с грызуном особенно покоробило Артема. Он так крепко сжал сверток, что прорвал газетную упаковку. Пальцы наткнулись на плотные края денежных пачек. И, странное дело, неуверенность и даже некий страх как рукой сняло. Он пренебрежительно глянул вслед парню: похоже, марьинорощинский. Там таких бойцов пруд пруди… «Сломанный нос» словно, прочитав его мысли, неожиданно обернулся:

– Эй, Артемчик! Совсем забыл! Мой шеф просил тебя быть вечером дома. Часов в десять… Он тебе позвонит. Усек?

Артем кивнул и тоже пошел к машине. Он посидел минут пять, дожидаясь Колычева. Наконец появился старичок.

– Уф! А гроза-то – будь здоров, – радостно объявил он, закрывая зонтик. – Совершеннейший шквал. Насколько я понял, к тебе подходил всего лишь слуга.

– Бандюга, – заметил Артем. – Хам!

– Чем же он тебя обидел? – весело поинтересовался Колычев. – Разговаривал невежливо?

– Я же говорю: хам!

– Н-да, Артемий. Взрослый ты мужик, а ведешь себя как ребенок. Если будешь обижаться на каждого дегенерата – до сорока не доживешь. Особенно при нашем занятии. Один не то скажет, другой не так посмотрит. Беда прямо… Усвой. Ты – единственный в своем роде на белом свете. Нет другого Артема Кострикова. И чужие мнения, насмешки, колкости должны отлетать от тебя, как резиновый мячик от каменной стены. Чем ранимее душа, тем скоротечней жизнь. Человек с легко уязвляемым самолюбием не достигнет успеха ни в одном деле. Он будет пугаться тени даже от самого легкого облачка, случайно упавшей на его непогрешимое «я». Понятно, «все мы люди, все человеки», – как говаривал классик устами своего героя. Никто не защищен от худого слова. Но нужно наращивать броню, защищающую сердечную мышцу. Иначе пропадешь. Смотри на вещи проще, не теряй чувства юмора. Парень этот, который тебе деньги передал, сел за руль черной «Волги», похоже, казенной. Номер я записал. Пересчитай деньги.

Артем разорвал остатки упаковки. В свертке находилось пять пачек. Парень не обманул.

– Полный расчет, – заметил он.

– Интересные ныне пошли покупатели, – с деланым изумлением произнес Колычев, – даже на товар не взглянут, а деньги выкладывают. Да деньги-то какие! Непонятно.

– Этот тип сказал: его шеф вечером позвонит.

– Я слышал. Может быть, этому – как же его обозначить, вроде и клиентом назвать язык не поворачивается, – нужно от тебя что-нибудь другое?

– То есть?

– Ну, я не знаю… – Старец хохотнул. – Изнеженность нравов, скажем…

– На что это вы намекаете?

– Между прочим, на Западе нынче изнеженность нравов в большой моде. Полистал я тамошнюю прессу. Только об этом и пишут. И тот изнежен, и другой изнежен… правда, в большинстве все люди искусства. Разные там актеры, режиссеры. Балетные танцовщики.

– Я что-то плохо понимаю. О какой изнеженности нравов идет речь?

– Когда мужчина с мужчиной… Гомосексуализм, другими словами.

– Тьфу, гадость какая! Ну, вы тоже скажете! Мне, слава богу, баб хватает.

– Баб ему хватает! Жениться пора, Артемий. Видный парень, а прозябаешь в холостяках.

– Никак не найду невесту подходящую.

– Хотя и видные ребята склонны к изнеженности нравов. Вот этот… актер французский… Как его?.. Еще графа Монте-Кристо играл… Да, Жан Марэ! Он тоже из этих будет.

– Жан Марэ?! Никогда не поверю. Чепуха!

– Чудак человек. Я в «Фигаро» читал большую статью про него.

– Клевещут.

– Там за клевету строго наказывают. Себе дороже. А этот самый Жан вовсе сей факт не скрывает, а гордится им. Он в этом смысле даже общественный деятель, председатель клуба или федерации.

– Ну вот ни на грамм не верю!

– И у нас, говорят, подобная публика имеется. В сквере возле Большого театра собираются. У фонтана…

– И чего это вы на старости лет интересуетесь этими уродами? Вот оно, пагубное влияние Запада. Может, желаете к ним присоединиться?

Колычев захохотал:

– Поздновато мне. А ведь знавал я в молодости и Дягилева,[10 - Дягилев С.П. (1872–1929) – русский театральный и художественный деятель. Основатель художественного объединения «Мир искусств». Организатор «Русских сезонов» в Париже. Создатель труппы «Русский балет Дягилева».] и Нижинского.[11 - Нижинский В.Ф. (1889–1950) – знаменитый балетный танцовщик, балетмейстер. Танцевал в труппе Дягилева.] Балетом, понимаешь, увлекался, скорее даже не балетом, а балеринками. К Кшесинской[12 - Кшесинская М.Ф. (1872–1971) – известная русская балерина.] в гости хаживал… Но нравы этой публики всегда вызывали недоумение и, я бы сказал, отдавали казармой.

– Казармой? – удивился Артем. – При чем здесь казарма?

– Да как же! В некоторых частях царской армии процветал содомский грех. Конечно, не в гвардии, где, коли обнародуют в полковом собрании сей позорный факт, офицеру, замеченному в подобном, грозит обструкция, а на окраинах империи, в какой-нибудь Кушке, где русских баб не имелось. Хотя, думаю, и в гвардии этим баловались. Вон даже у Козьмы Пруткова отмечено: «Кто не брезгает солдатской задницей, тому и фланговый служит племянницей». Правда, по-моему, танцоры балетные грешили содомией отнюдь не из-за

отсутствия женского тела, а, наоборот, от избытка. Потягай-ка с утра до вечера балеринку! Батманы эти, фуэте… Вот и теряли интерес… А эстеты типа Дягилева… Опять же изнеженность нравов. Бравый солдат Швейк отчасти был прав, когда резюмировал, что все знатные баре в большинстве случаев педерасты. Впрочем, оставим эту тему с душком. Ты сейчас куда ехать собираешься?

– Домой вас отвезу.

– Слушай, Артемий, не в службу, а в дружбу, покатай по городу. Соскучился, понимаешь… Париж Парижем, а Москва-матушка одна такая. Братец вон говорит: все бы отдал, чтобы домой вернуться. Желаю, чтоб под русской березкой схоронили. Чушь, конечно, сентиментальная. Во Франции тоже березы растут.

– Кто ж ему мешает вернуться?

– Опасается. А вообще, как говорится, домой возврата нет. Все в прошлом. Остались только воспоминания. Он – русский, жена у него русская, а дети, считай, французы. Родной язык знают плохо, а литературу и историю и того хуже. Про внуков и говорить не стоит. Вообще по-русски не говорят. И это вполне закономерно. Иначе и быть не может. Брат рассказывал: младшая дочь, учась в пансионе, вообще скрывала свое происхождение. Наша полная фамилия – Боде-Колычевы. И брат с гордостью носит обе ее половины. А племянница моя, отбросив вторую часть, стала просто баронессой Боде. То есть вернулась к своим французским истокам.

– А вы отбросили первую часть, – заметил Артем. – Так стоит ли ее упрекать?

– В моем случае речь шла о жизни и смерти, а ей ничего не угрожало.

– Только насмешки подруг по пансиону.

– Наверное, ты прав. Не суди, да не судим будешь. И все же… Смешно иной раз. Брат все вспоминал Ильинку, китайгородскую стену, ряды букинистов вдоль нее. Нету, говорю, никакой Ильинки. Есть улица Куйбышева. И стены нету, сломали почти всю. И букинистов нету… А он все свое. Булыжники Болотной площади у него перед глазами. Как на Болоте зимой клюквой торговали. Стоят рядами

возы, а на них бабы в зипунах, и клюква в решетах пламенеет под лучами зимнего солнышка. А мимо покупатели шастают. Гимназисточка какая-нибудь пробежит в серенькой беличьей шубке. А щечки у нее, что та клюква. «Гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные…» – пропел старичок и вздохнул. – Эх, молодость!.. Промелькнула и нет ее…

– А вот скажите, Михаил Львович, когда лучше: тогда или сейчас?

– Слушай, и брат мне тот же дурацкий вопрос задавал! Да разве можно на него ответить? Взять хоть нас с тобой. Вот мы едем в одном автомобиле, говорим на равных… А раньше можно ли такое было представить? Нонсенс.

– Вы хотите сказать: я вам не ровня.

– Да именно что ровня! Разве пятьдесят лет назад ты, сирота, смог бы получить высшее образование? А нынче, видишь, получил. Причем совершенно бесплатно. Жилье у тебя опять же дармовое. Ладно, досталось, скажем так, не совсем прямыми путями. Но ведь миллионы людей получают квартиры совершенно законно. И платят за них копейки. Дальше идем. Заболел у тебя зуб. Ты шагаешь в стоматологическую поликлинику. Где тебе опять же совершенно бесплатно его лечат.

– Так вы, выходит, горячий сторонник нынешнего строя? – иронически поинтересовался Артем. – А я-то считал наоборот.

– Я не сторонник, но и не противник.

– Как это?

– Просто стараюсь смотреть на вещи объективно. Скажу прямо – народ в России всегда был рабом, рабом остается и сейчас. Да, за народ всегда решала власть: раньше царь, сейчас руководство партии. И те и другие правители своих подданных не в грош не ставили. Могли проводить самые чудовищные эксперименты. Но при всем при том нынче комфортабельное рабство. Все при деле, а это огромный плюс. В той же Франции простой работяга разъезжает в собственном авто, но над ним постоянно висит дамоклов меч безработицы. За квартиру он платит треть своего заработка, продукты тоже дорогие… Да и вообще, подавляющее большинство населения живет в кредит. Есть работа – все

нормально. Нет работы – хоть в петлю.

– Но ведь полно и богатых?

– Не спорю, и таких хватает. Но и у них не все гладко. Впрочем, чего это я тебе политграмоту читаю. Ты не хуже меня во всем разбираешься. В институте опять же политэкономию изучал. Права пословица: там хорошо, где нас нет. Ладно, хватит дискутировать. Вези-ка меня домой.

Артем обратил внимание, что как только разговор коснулся бытия состоятельных людей, Колычев несколько помрачнел, а игривые интонации куда-то исчезли.

«Лукавит старец, – понял Артем, – не все удается по полочкам разложить. Сам же говорит, у каждого рабочего автомобиль. А в кредит, не в кредит… какая разница. Один раз живем…» Однако подковыривать Колычева Артем не стал. Еще разволнуется…

– Ты держи меня в курсе событий, – сказал старец, когда Артем высаживал его перед домом в Малом Песчаном переулке. Артем пообещал.

Глава 5

КЛИЕНТ

Одна из странностей в странном течении нашей человеческой жизни – это неожиданность некоторых непредвиденных событий, которые, в один день и час, могут произвести погром там, где было сравнительно безопасно.

Брэм Стокер

«Скорбь Сатаны»

Наш герой жил в районе Краснохолмской набережной, пускай не в самом центре, но зато почти на берегу Москвы-реки, в уютненьком зеленом райончике,

где среди прочих граждан гнездились чиновники средней руки и отставные генералы. В Артемовой пятиэтажке обитали трое бывших военачальников. Один, видимо, писал мемуары, поскольку на люди почти не показывался, зато два других были притчей во языцех всего района. Каждый являлся владельцем собаки, причем одинаковой породы – немецкая овчарка. Генеральских сук звали Ева и Магда. Ранним утром заслуженные бойцы выводили Еву и Магду на собачью площадку. Форма одежды у генералов была примерно одинаковой: брюки с лампасами и пижамная куртка. Только у одного брюки заправлены в начищенные до зеркального блеска хромовые сапоги, а у другого – навыпуск. Собаки тут же начинали яростно облаивать друг друга, генералы же до времени хранили гробовое молчание. Друг с другом они даже не здоровались. Однако наступал роковой миг, и ледяное молчание переходило в горячую схватку. Дело в том, что в пору войны генералы воевали на разных фронтах, и каждый считал своего командующего величайшим специалистом военной стратегии и тактики. Прямо противоположные взгляды на деятельность того или иного советского полководца подчас приводили к рукопашному бою. Генералы так яростно вцеплялись друг в друга, что даже собаки на время прекращали брех и с удивлением взирали на своих хозяев, отчаянно барахтающихся в пыли. Но стоило одному, в пылу перебранки, произнести имя Вождя, как скандал мгновенно утихал и генералы чинно расходились по домам до следующего утра.

Из окон своей двухкомнатной квартирки Артем частенько наблюдал батальные сцены, страшно смешившие его. Весь мир – театр. Древняя истина в подобные мгновения не раз приходила на ум. Эти два генерала, некогда, подобно богам, безраздельно распоряжавшиеся жизнями тысяч людей, вели себя, как малые дети, поскольку недалеко от них ушли в умственном развитии. Во всяком случае, такое складывалось впечатление.

Когда он вернулся домой, августовский день подходил к концу. Хотя Артем жил вдвоем с матерью, та бывала в квартире редко, предпочитая проводить летнюю пору на даче. Раз или два в неделю она появлялась дома, стирала белье, варила кастрюлю щей и отбывала назад, считая, что сын обихожен. Поскольку Артем обедал в ресторанах, щи частенько прокисали, и он брезгливо выливал содержимое кастрюли в унитаз. Именно так и поступил он сегодня, потом поджарил яичницу с колбасой, соорудил пару бутербродов с сыром, запил это все большой чашкой кофе со сгущенным молоком и, сыто отдуваясь, лег на диван и раскрыл журнал «Смена». Но читать не хотелось. Артем включил телевизор. По первой программе шла передача «Мастера искусств – Жерар

Филип». Артем взглянул на смазливое лицо актера, вспомнил рассказ Колычева об изнеженности нравов во французском кинематографе и переключил телик на второй канал. Здесь гремел песнями и плясками Всесоюзный фестиваль самодеятельного искусства. Он выключил дурацкий ящик и взглянул на часы. Десять. Позвонит или не позвонит таинственный Иван Николаевич? Однако вместо телефонного затренькал дверной звонок.

Артем слегка встревожился. Он никого не ждал. Мать обычно ночевала на даче, а для визитов знакомых было поздновато. Артем глянул в дверной «глазок» и обомлел. Перед дверью стояла профессорша Ладейникова собственной персоной.

Ничего не понимая, Артем отворил дверь и воззрился на неожиданную посетительницу.

– Можно войти? – не здороваясь, спросила профессорша низким мелодичным голосом.

– Конечно, конечно, – засуетился Артем, – проходите, Агния Сергеевна.

Профессорша вошла, слегка задев не успевшего посторониться Артема плечом, обдала его сладковатым ароматом французских духов…

– Так и будем в прихожей разговаривать? – спокойно поинтересовалась она тоном, в котором позванивали льдинки.

– Нет, что вы! – смущенно промолвил Артем. – Пожалуйста, вот сюда. Присаживайтесь. – Он включил торшер, поскольку на улице совсем потемнело.

– А у вас довольно мило, – оглядев комнату, изрекла Агния Сергеевна и уселась в низкое глубокое кресло, выставив на обозрение Артему круглые мраморные колени. На ней было платье темно-винного цвета в белый горох, медовые волосы собраны в башнеобразную прическу под названием «бабетта». На красивом равнодушном лице написано превосходство и снисходительность.

Артема, крайне гордившегося модерновой обстановкой и привыкшего к возгласам восхищения, слегка покоробило это «мило». В квартирке у нашего

героя было, что называется, «стильно». На полу большой якобы персидский ковер. На нем два кресла, между ними журнальный столик каплевидной формы, рядом торшер, похожий на цветок ландыша. Поодаль, на тумбе, громадный магнитофон «Тембр». На стенах несколько пестрых офортов абстрактной тематики и фотография Хемингуэя в грубом свитере под самое горло. Ни одной вещицы, типа иконы или другой старинной вещи, указывающей на занятие нашего героя, в комнате не имелось. Кресла поставлены с таким расчетом, чтобы ножки сидевшей напротив дамы или девицы находились перед глазами Артема.

Словом, «логово Казановы».

Профессорша щелкнула замком дорогой кожаной сумочки, достала пачку сигарет «Мальборо», продававшихся, как отлично знал Артем, только в валютных магазинах «Березка», и закурила.

– Не спрашиваю разрешения, – рассеянно изрекла она, – поскольку на столе стоит пепельница.

– Конечно, конечно. – Артем решил вести себя галантно. – Может быть, по рюмочке?

– А что вы можете предложить? – В тоне профессорши ему послышалась едва скрытая насмешка.

– «Мартини», – гордо произнес повеса, решив пожертвовать неприкосновенным запасом. Знай, мол, наших!

– Ну что ж, давайте попробуем ваш «Мартини».

Артем извлек из немецкого серванта два пузатых фужера, бутылку с пестрой этикеткой и коробку шоколадных конфет «Красная Шапочка». По пути он щелкнул клавишей «Тембра», и из выносных динамиков приглушенно полилась сладкая музыка оркестра Рэя Кониффа.

Агния Сергеевна понюхала содержимое своего бокала и, видимо, оставшись довольна, пригубила чуть отдающий желтизной напиток.

– Я, собственно, пришла к вам по делу, – сообщила она, глядя в окно, за которым совсем стемнело.

Артем молчал, ожидая продолжения.

– Верните мне эмали.

– То есть как? – опешил Артем.

– Да очень просто. Я верну вам деньги, а вы мне – эмали.

– Но это невозможно!

– Почему же? Очень даже возможно. Ведь вы меня обманули. Вскоре после того, как вы сегодня ушли от меня с покупкой, я отправилась в Бутырки, на свидание с Вартаном. И рассказала ему про ваш визит. Он страшно рассердился. Прямо-таки был в ярости. Ни о какой продаже, кричал, мы с ним не договаривались! Иди и верни! А если, говорит, не отдаст, передай: пусть пеняет на себя.

Артем с интересом взирал на роскошную женщину. В полумраке она казалась еще красивее. Взгляд его постоянно сползал на соблазнительные колени. В паху зажглась искорка желания. Но разум подсказывал: будь с ней осторожнее. Чего ради она приперлась на ночь глядя, почему не предупредила о своем визите? Допустим, Вартан ей действительно «хвоста накрутил». Но, несомненно, она не из пугливых и, главное, не дура.

И этот Иван Николаевич почему-то не звонит, неожиданно пришло в голову.

– Следовательно, вам лучше вернуть вещи, – закончила профессорша и выжидательно взглянула на Артема.

– Странно получается, – издалека начал Артем, – утром мы нашли взаимопонимание, а вечером…

– Думаю, и сейчас мы останемся друзьями. – Легкая чувственная хрипотца прозвучала в ее голосе. – Давайте выпьем. «Мартини» неплох, только теплый, и маслины не хватает. – Агния Сергеевна залпом допила бокал и откинулась на

спинку кресла. Подол платья задрался еще выше, и глазам Артема открылись снежно-белые бедра. Профессорша чуть развела ноги в стороны, и во рту нашего героя мгновенно пересохло.

Что это, сигнал? Крепость готова к падению? А может, ловушка? Бросишься к воротам и угодишь в волчью яму?

Между тем Агния Сергеевна закинула ногу на ногу, полузакрыла глаза и покачивала носком изящной туфельки в такт музыке.

Пора действовать, решил Артем.

– Может быть, еще по чуть-чуть? – спросил он, указав на бутылку.

Профессорша кивнула.

Артем перешел на ее сторону и, наполняя фужер, как бы невзначай положил свободную руку ей на колено.

– Эй-эй, молодой человек, что вы себе позволяете?! – В тоне звучала явная игривость.

Вперед, вперед, труба зовет! Замок Снежной королевы, оказывается, не столь неприступен.

Артем отставил в сторону бутылку, опустился на колени и коснулся губами ее шеи. Он провел языком снизу вверх и взял губами мочку уха.

– Ну, не нужно, не нужно… Какой вы, однако, поспешный. Прямо лев, нет, бенгальский тигр! И кто бы мог подумать… Просто-таки вулкан страстей. Оставьте в покое мое ухо. – Профессорша стала вертеть головой из стороны в сторону, словно отгоняя назойливую муху. – Щекотно! Мурашки по всему телу бегут… – Она тяжело задышала. – Погоди… Не спеши… И раздевать меня не нужно. Я сама…

Те секунды, за которые она сбросила с себя платье и белье, показались Артему вечностью. Шуршание шелка вызвало чувственную дрожь. Увидев товар лицом,

он и вовсе потерял голову. Пропорции оказались безупречны, хотя и несколько тяжеловаты. Спелая сверкающая красота обрушила на Артема всю свою неотразимую мощь. И лишь одно обстоятельство несколько сбивало с толку. Лицо профессорши оставалось по-прежнему лениво-отстраненным, и даже похотливая гримаска, по сути, не меняла его выражения.

И когда Артем попытался обнять ее и осторожно уложить на диван, профессорша окончательно поразила его, заявив:

– Нет, не так. Я привыкла, чтобы новый мужчина в первый раз брал меня сзади…

Когда все кончилось и слегка оглушенный изощренными ласками, но еще полный сил молодец решил продолжить «кувыркания», она равнодушно отстранила его и принялась одеваться.

– Неужели все? – обиженно спросил Артем.

– Мне достаточно, – прозвучало в ответ. – Так отдашь эмали? По-моему, я расплатилась сполна.

– Эма-ли? – протянул Артем. В вихре страстей он совсем забыл, зачем пришла Агния. Да и не были ли они всего лишь поводом? И как понимать фразу «расплатилась сполна»?

– Но вы… э-э… ты?.. – Артем не знал, как назвать новую пассию.

– Что – ты? – спросила профессорша, продолжая неторопливо одеваться.

– Я не совсем понял насчет оплаты.

– А ты решил, что произошедшее – порыв мгновенно проснувшейся страсти? – Агния Сергеевна хмыкнула. – Помоги-ка…

Артем застегнул ей лифчик, провел ладонью по шелковистому бедру. Прикосновение вновь пробудило желание. Артем попытался поцеловать сдобное плечико, но профессорша лениво отстранилась.

– Довольно. Возможно, в другой раз… А сейчас давай коробку.

– Разве было плохо? – с обидой произнес Артем.

– Нет, отчего же… Мне даже понравилось… У тебя получается. Чувствуется некоторый опыт, хотя, на мой взгляд, ты чересчур поспешен, – с явной насмешкой заметила Агния.

«Вот стерва! – злобно подумал Артем. Настроение мгновенно испортилось. – Ладно, получи в таком случае».

– Дык я их продал, – издевательски сообщил он.

– Кого продал? – спокойно спросила профессорша.

– Дык эмали.

– Неужели? – Интонации были по-прежнему миролюбивы. – Когда же ты успел?

– А сегодня же и продал. У меня на них покупатель давно имелся.

– Вот как? А ты, оказывается, везде поспешный. Шустрила. Только поспешность обычно нужна при ловле блох…

– …и хождении к чужой жене, – хохотнув, закончил изречение Артем.

– Верно, верно. Умница! Прическа опять же растрепалась. Ну, ничего… – Агния Сергеевна достала из сумочки широкую ленту. – Где тут у тебя зеркало?

– Сейчас покажу. – Артем повернулся к профессорше спиной, собираясь выйти в прихожую, но в это мгновение получил сильнейший удар по голове и рухнул без чувств.

Он очнулся и долго не мог сообразить, что произошло. Страшно болела голова. Где-то рядом раздавались непонятное гудение и резкие щелчки. Артем пошевелился и, со стоном приподняв голову, разлепил веки. Он лежал на ковре, волосы слиплись, пропитавшись кровью и вермутом. К тому же в них было полно осколков от бутылки с «Мартини», которой профессорша его уложила. Артем кое-как встал и огляделся. Гул и щелчки издавала бешено вращающаяся магнитофонная кассета. Все было перевернуто вверх дном, вещи из серванта выброшены и в беспорядке раскиданы по комнате. Агния явно пыталась отыскать свои эмали.

Артем взглянул на часы. Стояла глубокая ночь.

– Вот ведь сука! – вслух произнес он и отправился в ванную.

С памятного вечера шло время, но ничего не происходило. Экспансивная профессорша больше не давала о себе знать, не звонил и Колычев, и, что особенно беспокоило Артема, не выходил на связь таинственный Иван Николаевич. Возможно, он все-таки звонил в то время, когда Артем пребывал в беспамятстве. Но если так, почему он не перезвонил на следующий день?

Полное затишье поначалу казалось непонятным, но за повседневной суетой Артем стал забывать о недавних событиях. Денек он провел дома, сначала отлеживался, но рана оказалась не смертельной, крепкий славянский череп нашего героя мог бы выдержать и удар кистенем. Приехала мать, повздыхала, поохала и принялась наводить порядок.

Пару дней Артем вынашивал планы мести коварной Агнии Сергеевне, но в конце концов затея потускнела и съежилась, как воздушный шарик. К тому же профессорша своими статьями настолько потрясла его воображение, что он был готов забыть инцидент, явись она вновь.

Жизнь шла своим чередом. Нужно было, как наставляла Библия, которую Артем никогда не читал, «в поте лица своего добывать хлеб насущный». Август – мертвый сезон. Продавцы и покупатели исчезают неведомо куда, и наш герой хватался за любой пустяк, лишь бы занять время. Скажем, он узнал, что в Истре некий земледелец продает вырытые в огороде старинные монеты. Нанеся визит кладоискателю, он столкнулся с дремучим непониманием. Стоимость монет, в

основном екатерининских пятаков, от силы трешка, но огородник желал за них не меньше пятидесяти рублей. Артема подобная цена не устраивала, но торговаться он не стал, а просто позвонил из автомата в местное отделение милиции и сообщил, что такой-то скрывает от государства вырытый клад. Причем утверждает, что нашел только медные деньги, хотя на самом деле спрятал в тайник вырытое серебро и золото.

«Пускай теперь доказывает…» – злорадно подумал Артем.

И только спустя неделю события сдвинулись с мертвой точки и, набирая обороты, вновь начали раскручиваться.

В среду, двадцать четвертого августа, поздно вечером, когда Артем уже собирался ложиться в постель, раздался телефонный звонок. Голос с характерными начальственными интонациями нельзя было спутать ни с каким другим.

– Артем? Это Иван Николаевич. Извини, что так поздно, но дело не терпит отлагательств. Завтра вечером, часов эдак в шесть, подходи в гостиницу «Советская», номер 27. Я буду тебя ждать.

Трубку положили. Артема несколько покоробил тон, каким с ним говорили. Словно с подчиненным! На «ты», и слова не дал вставить! С другой стороны, он платит деньги, значит, вправе вести себя как заблагорассудится.

Успокоив самолюбие подобным образом, Артем решил съездить к Колычеву и забрать последнюю эмаль.

Стояла прохладная пасмурная погода. Лето кончалось. Если неделю назад это было еще не так заметно, то сегодня, сидя в беседке у старичка, Артем с особой ясностью ощутил: осень на пороге. Крупные краснобокие яблоки виднелись сквозь поредевшую желтоватую листву, вовсю цвели астры, рдели пышные шапки георгинов. В садовых ароматах уже присутствовало увядание. Зрелость медленно перетекала в тление. Казалось бы, наш герой – человек не сентиментальный. Однако и его души коснулась грусть, наполняющая последние дни благословенной поры. Он, пригорюнившись, смотрел, как подрагивают под порывами ветра колючие шишки хмеля, увивавшего беседку.

Колычеву, похоже, передалось настроение Артема. Обычно жизнерадостное лицо нынче выглядело грустноватым, даже очки не сверкали, а отливали тусклой мутью, словно бельма.

– Да, очень… – произнес он, ни к кому не обращаясь. – А дальше… – старец уныло пожевал губами. – Кто знает, сколько зим у меня впереди. Может быть, нынешняя – последняя. Говорят, некогда алхимики открыли эликсир бессмертия. Будто бы знаменитый французский врач шестнадцатого века Амбруаз Парэ приготавливал его из меда, лимонов, лепестков роз и еще чего-то… Но тайну унес с собой в могилу.

– Если он владел средством, то почему им не воспользовался? – резонно возразил Артем. – Чепуха!

– Ты думаешь? Но ведь доподлинно известно, что некоторые исторические личности жили очень долго. Граф Сен-Жермен хотя бы…

– Это он сам так утверждал, – продемонстрировал эрудицию Артем, – подтвердить же его слова не мог никто.

– И опровергнуть тоже.

– Неужели вы верите в эти сказки?

– Как тебе сказать. Я нахожусь в таком возрасте, что поневоле поверишь в любые басни, если они рождают надежду. Да за лишних пять лет жизни я готов отдать накопленное за многие годы и еще столько же.

– Вы же не имеете сбережений, – ехидно напомнил Артем.

– Всего лишь крохи. А еще в старинных книгах утверждается, будто отдельные смельчаки продавали душу дьяволу в обмен на бессмертие.

– Опять не вяжется одно с другим. Как же это может быть? Если человек бессмертен, то и душа его постоянно при нем.

– На этот счет существуют разные гипотезы. Дьявол мог по заключении сделки тут же изъять душу. Это, скажем, первый вариант. Мог поставить ряд условий, не выполнив которые договаривающаяся с ним сторона проигрывает. Что, насколько я понимаю, неизбежно. Дьявола, мне кажется, вообще невозможно обмануть.

– Вы, Михаил Львович, верите в существование нечистой силы? – удивленно спросил Артем.

– Допускаю, скажем так.

– Не ожидал. Думал, вы убежденный атеист и прагматик.

– Есть многое на свете, друг Горацио… А вообще-то я крещен. Ладно, оставим в покое вечные темы. Расскажи лучше, как у тебя дела?

Артем вкратце обрисовал ситуацию, упомянул об инциденте с профессоршей и о звонке Ивана Николаевича.

– Значит, говоришь, знойная женщина в знак благодарности треснула тебя по голове? Отчаянная, видать, вдовица. С подобными мадамками нужно вести себя крайне осторожно. Если она так лихо управилась с бутылкой, то и за другим не постоит. Я же тебе рассказывал о пропаже ее первого муженька. Не удивлюсь, если узнаю, что именно она приложила руку к данному делу. Короче, все упирается в эти эмали.

– Вам что-нибудь удалось раскопать? – осторожно поинтересовался Артем.

– Пойдем-ка в дом, а то здесь слишком прохладно, – запахивая стеганый халат, предложил Колычев, – там и поговорим.

В своем кабинете он включил лампу с зеленым абажуром, и комната стала походить на уютную пещерку с поблескивающими золотом корешками старинных книг и таинственными тенями по углам. Старец достал коробку, положил ее на стол, раскрыл… Свет упал на икону, и часть комнаты словно осветило. Сияние исходило от этой не особенно большой, покрытой эмалью пластины. Изможденное бородатое лицо Иоанна Крестителя, казалось, жило

своей, невидимой постороннему потаенной жизнью. Излом правой руки с перстами, поднятыми для благословения, намекал на трагичность и жертвенность. Разноцветный орнамент по краям иконы поражал чистотой и яркостью красок. Из нескольких ячеек эмаль от времени выпала, но и это не портило общего впечатления от вещи, напротив, подчеркивало ее древность.

– Садись, Артем, и слушай! – начал старец, торжественно глядя на Артема. – Эта реликвия, по сути, не имеет цены.

– Как это?! – удивился наш герой. – Все имеет цену.

– Не перебивай, циник! – строго одернул его Колычев. – Все, да не все… Я же говорю: реликвия, притом святая. Некогда принадлежала самому князю Владимиру Святому, крестителю Руси.

– Неужели?! – изумился Артем.

– Достоверный факт! Эта эмаль входит в число так называемых «корсунских реликвий», полученных Владимиром в дар от крестивших его византийских монахов. Как известно, Владимир Всеволодович крестился после того, как захватил византийский город Херсонес. Вот послушай, как описывает это событие Лаврентьевская летопись.

Колычев снял с полки объемистый том и принялся читать:

«В год 6496 (988) пошел Владимир с войском на Корсунь град греческий. И послал к царям Василию и Константину и так им передал: «Вот взял ваш город славный; слышал же то, что имеете сестру девою; если не отдадите ее за меня, то сотворю городу вашему (столице) то же, что и этому городу сотворил». И, услышав это, они (Василий и Константин) опечалились и послали ему весть, и так ответили: «Не пристало христианам выдавать жен за неверных. Если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное примешь, и с нами единоверен будешь».

По божьему промыслу в то время разболелся Владимир глазами, и не видел ничего, и скорбел сильно, и не знал, что делать. И прислала к нему царица (Анна) и передала: «Если хочешь избавиться от болезни сей, то крестись скорее, иначе не избудешь недуга сего». Услышав, Владимир сказал: «Если воистину

исполнится это, то поистине велик будет бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас прозрел он. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил бога: «Теперь узрел я бога истинного».

После этого Владимир взял царицу и попов корсунских с мощами святого Климента, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе…».[13 - Цитируется по книге «Литература Древней Руси XI–XII в. в». – М., 1978. Перевод Б. Кресеня.]

– Понял?! – спросил Колычев, прервав чтение.

– Что я должен понять?

– Какая вещь тебе в руки попала?!

– Но почему вы думаете, что эта эмаль принадлежит князю Владимиру?

– Ее изображение имеется в знаменитой книге Кондакова «Византийские эмали». Слышал о такой?

Артем отрицательно помотал головой.

– Эх ты, антиквар!

– Я, Михаил Львович, многого не слышал, – обиделся Артем, – но в нашем деле кое-чего маракую. Но почему она не в Успенском соборе или там где еще…

– Была украдена в 1918 году из патриаршей ризницы. И вот когда объявилась. У старухи, говоришь, купил? Интересно было бы потолковать с этой старушкой, – задумчиво заметил Колычев.

– Так сколько же она стоит?

– Ты все о том же. Кто знает… Может, сто тысяч, а может, миллион.

– Миллион чего?

– Долларов, идиот!!! – разъярился старец.

– Вы это серьезно?!

– Послушай, Артюша, – как маленькому принялся объяснять Колычев. – Я уже говорил: сколько эта вещь стоит, я не знаю, и никто не знает. Ты бы мог, к примеру, мне ответить: какова цена шапки Мономаха? То-то и оно. Это священная ре-ли-кви-я! – произнес он по слогам. – Если бы у вещи и не имелось легенды, она стоила бы от одной до пяти тысяч долларов. Причем не здесь, а на Западе. Примерно столько ты за нее и получил, по официальному курсу 83 копейки за доллар. Тут ведь еще две эмали находились, – он постукал аккуратно подстриженным ногтем указательного пальца по коробке.

– Что же теперь делать? – недоуменно произнес Артем. – Не отдавать нельзя…

– А допустим, эмаль по-прежнему твоя. Как бы ты в таком случае поступил?

Артем пожал плечами:

– Стал бы искать настоящего покупателя.

– И, думаю, вряд ли бы нашел. Больше, чем этот таинственный Иван Николаевич, тебе никто здесь не даст.

– Пойду в патриархию…

– Ну, ты даешь! Отберут и с концами. А то еще копать начнут. Где взял и так далее. Вообще говоря, эта вещица весьма опасна. Ты уже имел возможность в этом убедиться. – Колычев выразительно постучал себя пальцем по голове. – Этот армянин, нынешний муж профессорши Ладейниковой, наверняка знает об истинной ценности. И сама Ладейникова знает. Возможно, она желает получить эмаль, чтобы успеть ее продать, пока армянин сидит. Не думаю, что она двинула тебя бутылкой, исполняя приказ мужа, а тем более… – Колычев захихикал. – Армяне вообще-то ревнивый народ. Горячая восточная кровь. Так что…

– А как бы вы поступили на моем месте? – спросил Артем.

– Я бы? Да снес бы икону в Исторический музей.

– Бесплатно?!

– Само собой. Избавься от нее, и дело с концом. Не жадничай. Есть у меня предчувствие: в противном случае наживешь огромные неприятности.

– А что же я покупателю скажу? Этому Ивану Николаевичу? Мол, потерял? Тут уж, я думаю, неприятностей вообще будет выше крыши.

– Но ведь ты даже до сих пор не видел клиента. Пообщайся с ним, посмотри, что за человек, а там уж сам ориентируйся, как вести себя дальше.

Без пяти минут шесть Артем поставил свою «Волгу» на стоянку перед местом предстоящей встречи, что находилось на Ленинградском проспекте, и двинулся к входу в гостиницу, мурлыкая под нос недавно услышанную песенку:

«…вечно в кожаных перчатках – чтоб не делать отпечатков,

жил в гостинице «Советской» несоветский человек».

Магнитофонную катушку с записями Артем купил у знакомого фарцовщика. Фамилию исполнителя (вроде какой-то «…ский») он не запомнил, но песенки ему понравились. Донельзя хриплый голос пел не какую-нибудь блатную «шнягу», а вполне злободневные, весьма ироничные и даже с легким антисоветским душком тексты, нещадно насилуя струны гитары. Самое главное, песенки тут же намертво врезались в память. Артем еще подумал, что автора, скорее всего, ждет непонимание властей, поскольку тексты наверняка не литованы.[14 - Не литованы – не прошли через официальную цензуру.]

«…искаженный микропленкой, ГУМ стал маленькой избенкой.

И уж вспомнить неприлично, чем предстал театр МХАТ».

«Интересно, на что это он намекает в отношении МХАТа?» – весело кумекал Артем, открывая двери.

– Местов нет, – сообщил бородатый швейцар в украшенной галуном фуражке с надписью: «Гостиница». Артем сунул ему двугривенный, и швейцар важно отдал честь.

Он миновал дежурную по этажу, с интересом читавшую газету «Советский спорт» и не обратившую на его появление никакого внимания, остановился перед дверью с номером 27.

«Но работать без подручных, может, грустно, может, скучно.

Враг подумал – враг был дока, – написал фиктивный чек,

И где-то в дебрях ресторана гражданина Епифана

Сбил с пути и панталыку несоветский человек».

Артем осторожно постучал. Дверь словно по волшебству раскрылась, и он попал в темноватый номер. У окна сидел какой-то человек и читал «Правду».

«Прямо не гостиница, а библиотека», – подумал Артем.

Читатель «Правды» поднялся. Перед нашим героем стоял высокий, хотя и грузноватый товарищ начальственного вида лет сорока пяти от роду. Большие роговые очки в толстой оправе с дымчатыми стеклами закрывали почти всю верхнюю половину лица. Поскольку выражения глаз не удавалось различить, Артем попытался составить впечатление по доступным обозрению деталям.

Лоб выпуклый, с большими залысинами, нос длинноватый «туфелькой», рот тонкий, а основанием «архитектурного ансамбля» физиономии служила массивная нижняя челюсть. Вышеперечисленные черты принадлежали, несомненно, человеку волевому и энергичному, однако на мужественном лице читалась некая внутренняя неуверенность, словно он не знал, как начать предстоящий разговор.

– Вы Артем Костриков? – вместо «здравствуйте» поинтересовался он.

Наш герой подтвердил данный факт.

– Имеются ли при себе какие-нибудь документы, удостоверяющие вашу личность?

Несколько удивленный подобным недоверием, Артем протянул водительские права.

Цепким, как показалось нашему герою, профессиональным взглядом товарищ, читающий «Правду», сличил фотографию и оригинал, затем утвердительно кивнул, вернул документы и только после этого произнес: «Добрый вечер».

– Моя фамилия Соколов, – сообщил он протокольным тоном. – Звать, если помните, Иван Николаевич. Итак, к делу.

«Даже руку не пожал, – отметил Артем. – Кто он такой? Уж не из органов ли? Интонации больно казенные».

– Предварительно пришлось навести о вас справки, – жестяным голосом продолжал человек, читающий «Правду». – Промысел ваш, как бы это сказать помягче… – Иван Николаевич запнулся, видимо, мысленно подбирая подходящее определение. – Ладно. Не будем уточнять. Однако о пронырливости вашей по Москве ходят легенды. Так вот. С первым заданием вы справились неплохо.

– Это вы про эмали? – решил уточнить Артем.

– Именно. Проверка прошла нормально. Теперь для вас есть новая работа. Нужно найти одного человека…

– Но я не сыщик, – попробовал возразить Артем.

– Попрошу не перебивать! Я знаю, кто вы такой. Задание как раз по вашей части. У человека этого имеется одна вещица… – Иван Николаевич сделал паузу. – Вот из-за нее и весь сыр-бор. Вещица антикварная. Это карты. Лежат они в специальной шкатулке. Нужно добыть обе вещи: и карты, и шкатулку.

– Карты? Географические или игральные? – недоуменно поинтересовался Артем.

– Ни те, ни другие. Это не простые карты. Называются они… Сейчас. – Иван Николаевич вытащил из внутреннего кармана пиджака маленькую записную книжку. Перелистал страницы. – Вот. Карты Таро. Очень старинные… Редкость и огромная ценность. К человеку, которого нужно найти, они случайно попали в самом конце войны. Об истинной их ценности он, скорее всего, не догадывается. Сколько вы за них заплатите, меня не интересует. Вот деньги, – читатель «Правды» протянул Артему сверток, – здесь пять тысяч. Это на все, включая расходы на поиски человека и на приобретение вещи. Кроме того, сюда же входит и ваш гонорар. Думаю, сумма должна вас устроить.

– А если сумма не устроит его? Кстати, где он живет? Надеюсь, в Москве?

– За деньгами дело не станет. В случае необходимости получите еще. Что касается местожительства объекта, это вам и предстоит выяснить. Следы его потерялись сразу же после войны.

– Ничего себе! Где же я буду его искать?

– Завтра поедете в Центральный архив Министерства обороны в Подольске, подойдете в бюро пропусков, предъявите свои документы… Вы ведь, кажется, сотрудник историко-реставрационного центра при Московском управлении архитектуры? – Иван Николаевич хмыкнул.

«Все знает», – без особого восторга отметил Артем.

– Так вот. Покажете свое удостоверение. Там будут извещены о вашем приходе. Напишите требование, ну и прочие формальности… Вам нужно выяснить местонахождение… – читатель «Правды» вновь открыл книжку. – Вы записывайте… Местонахождение Петра Ильича Соболева, в мае сорок пятого – старшего лейтенанта, воевавшего в составе восьмой танковой армии 1-го Украинского фронта. 9 мая 1945 года он находился в составе частей, освобождавших Прагу.

– А если его нет в живых?

– Вот в этом и состоит ваша задача. Все выяснить и доложить. Жив… умер… Если умер, то куда делась вещь. Карты эти…

– Но прошло больше двадцати лет. Всякое могло случиться. А карты он мог выбросить, потерять, пропить, наконец.

– К чему дискутировать? Разберитесь. Ведь вам именно за это деньги платят. А деньги, насколько я понимаю, для вас главное. – На мгновение тонкие губы человека, читающего «Правду», исказились в презрительной усмешке, но тут же лицо его вновь стало бесстрастным. – Может быть, вас беспокоит недостаточность отпущенной суммы? Не волнуйтесь, в случае непредвиденных расходов она будет увеличена. А по окончании работы вас ожидают премиальные. Так что действуйте. О ходе поисков докладывайте по телефону. Номер вы знаете. Все. Вы свободны.

– А сроки?

– Вас никто не подгоняет. Работайте спокойно. Но помните: время – деньги. Чем скорее вы добьетесь результатов, тем лучше. В первую очередь для вас.

Артем спускался по широкой гостиничной лестнице, а в голове назойливо звучали слова давешней песенки:

«Вот вам первое заданье: в три пятнадцать возле бани —

Может, раньше, а может, позже – остановится такси.

Надо сесть, связать шофера, разыграть простого вора,

А потом про этот случай раструбят по Би-би-си.

И еще. Побрейтесь свежее, и на выставке в Манеже

К вам приблизится мужчина с чемоданом – скажет он:

«Не хотите ли черешни?» Вы ответите: «Конечно».

Он вам даст батон с взрывчаткой – принесете мне батон».

Человек, который с ним только что общался, несомненно, сотрудник органов, скорее всего, КГБ. Уж больно властно он себя вел. Но вот суть задания оставалась непонятной. Похоже, к его, Артема, помощи прибегают неофициально. Ведь никто его не вербовал. Потом, платят весьма крупные

деньги… Зачем?.. Артем вспомнил пренебрежительную улыбку. А может быть, речь действительно идет о шпионаже? Отсюда и значительность суммы… Да! – осенило вдруг Артема. – Ведь он даже не вспомнил о недостающей эмали! Почему?! Или он не знает об ее истинной ценности, или просто пытается окончательно запутать, затянуть в сети.

«Да, до этих штучек мастер этот самый Джон Ланкастер!..»

Вот именно что мастер. Но какой от Артема толк? Он – не ракетчик, не инженер закрытого КБ. Связи обширные? Ну так что же? У кого сегодня нет многочисленных знакомых. За красивые глаза деньги не платят. И главное: как понимать эти странноватые задания? Сначала эмали, теперь какие-то карты. Если коллекционер – так и скажи. К чему ходить вокруг да около? Если желаешь завербовать, опять же проясни ситуацию. Впрочем, пока что ничего противозаконного ему не поручали. Разыскать человека, выцыганить у него карты… Никогда до этого Артем не сталкивался с интересом к каким-то там картам, но чего только народ не собирает. Может быть, дел-то на копейку. Во всяком случае, Артем не из простаков. И вновь в памяти всплыла пренебрежительная улыбка.

Ладно, посмотрим, чем дело кончится. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Садясь за руль «Волги», он припомнил последние строчки песни:

«Но жестоко просчитался пресловутый мистер Пек —

Обезврежен он, и даже он подстрижен и посажен,

А в гостинице «Советской» поселился мирный грек».[15 - Текст песни В.С. Высоцкого «Плохой детектив». 1966 г.]

На следующий день ранехонько, а была пятница, Артем отправился в Подольск. По-прежнему было пасмурно. Шел мелкий холодный дождик. По ветровому стеклу мерно двигались «дворники», соскребая водяную пыль. Радиоприемник наигрывал жизнерадостную песню, призывающую геолога «держаться и крепиться», поскольку он «ветру и солнцу брат». Но родство с космическими силами, наверное, не очень вдохновляет изыскателя. Ему, очевидно, хочется

домой: к маме, к красивым девушкам, к пирогам и пиву… Так, во всяком случае, додумывал мечтания представителя самой модной, помимо космонавта, профессии Артем. Геологом, по его мнению, мог стать определенно полный идиот. Шататься по непролазной тайге, среди полчищ комаров, мог только умалишенный.

Артем обладал живым воображением, и посему вид одинокой фигуры мокнущего под дождем рыбака, сидевшего возле моста через Пахру, мгновенно вызвал ассоциацию с геологом и заставил передернуть плечами:

– Б-рр!

А в машине тепло, уютно, рядом на сиденье термос с кофе и бутерброды. Можно остановиться на обочине или съехать в лесок, перекусить… Спешить некуда. И все же слишком много неясного. Вот сейчас он едет в архив. Но неужели самому Ивану Николаевичу трудно затребовать справку, касающуюся розысков этого старшего лейтенанта? Значит, не желает афишировать себя. Теперь византийская эмаль… В настоящий момент лежит в сумке, завернутая в чистую тряпку. Почему все-таки не потребовал вернуть ее? Ладно, пока вещь при нем, а дальше посмотрим…

Против ожиданий, в архиве не возникло никаких проволочек. Здесь работали четко и оперативно. Через полчаса Артем получил справку:

«Петр Ильич Соболев, год рождения 1923. Место рождения: город Плутаев, Плутаевский район Костромской области. Родители: Илья Ильич Соболев – учитель, Наталья Степановна Соболева – учитель, проживали в Плутаеве. Образование 10 классов. Призван в ряды Красной армии в ноябре 1942 года. Окончил танковое училище в городе Магнитогорске. В действующей армии с августа 1943 года. Воевал в составе восьмой гвардейской танковой армии Первого Украинского фронта. Вначале в должности командира самоходного орудия, а затем командира разведроты. Награжден орденом Великой Отечественной войны второй степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией». Комиссован по ранению».

– А скажите, – поинтересовался Артем у миловидной девушки в военной форме с погонами лейтенанта, – нельзя ли установить нынешнее местонахождение Соболева?

– К сожалению, подобными сведениями мы не располагаем. Соболев комиссован подчистую и снят с воинского учета. Обратитесь по месту жительства.

Настроение Артема несколько потускнело. Придется ехать в неведомый Плутаев, скорее всего, ужасную дыру, тащиться по разбитой грунтовой дороге. А в результате поломанные рессоры и проколотые колеса. Впрочем, так или иначе, деньги нужно отрабатывать.

Артем притормозил, не доезжая моста через Пахру, съехал к воде, перекусил и вышел на берег. Дождь прекратился. Из низких туч неожиданно, словно мячик, выскочило солнышко, и на землю вновь опустилось лето. Наш герой погулял по травке, покидал в воду камешки, потом подошел к неопределенной личности, одиноко сидевшей на берегу. Лицо и фигура рыбаря скрывала бесформенная плащ-палатка с капюшоном. Длинное удилище отбрасывало ломаную тень на медленно струящуюся воду.

– Ну что, отец, клюет? – несколько развязно поинтересовался Артем.

Капюшон повернулся в его сторону, и Артем разглядел, что это никакой не старик, а мальчик лет двенадцати. Белобрысый, с обветренным скуластеньким личиком, белесыми, словно застиранными, глазами и с синеватыми, обескровленными губами.

Малокровный ребенок ничего не ответил, но взглянул столь выразительно, что Артему, неясно по какой причине, вдруг стало стыдно. Он и сам не понял, в чем тут дело. Возможно, из подсознания посылало сигналы голодное военное детство или причиной стал вид синюшных, похожих на дождевых червей-выползков, губ малютки. Как бы там ни было, Артем сходил к машине, достал из промасленной бумаги последний недоеденный бутерброд с сыром и, вернувшись, молча сунул ребенку.

Из-под плащ-палатки показалась худенькая, покрытая цыпками лапка и приняла милостыню. Послышалось робкое: «Спасибо».

Довольный своим благородством Артем сел за руль. Взгляд его упал на термос с остатками кофе.

Может быть, отдать ему? Там все равно осталась почти одна гуща. Однако лишнего стакана у Артема не имелось, нужно наливать в крышку от термоса… Артем вспомнил цыпки, какой-то подозрительный лишай на щеке и передумал.

Машина взревела, выбросила из-под колес залп гальки и выехала на шоссе.

Пару минут Артем поразмышлял, откуда берутся в пору сегодняшней сытой жизни голодные дети, потом образ мальчика стал понемногу тускнеть и при въезде в стольный град полностью растворился в подсознании.

Первым делом наш герой решил навестить Колычева и доложить ему о происходящем. Откровенно говоря, он надеялся получить от старца четкий и вразумительный совет.

После обеда погодка и вовсе заиграла. Тучи полностью рассеялись, стало тепло, над колычевским участком порхали многочисленные пестрые бабочки, залетая время от времени в беседку.

– Н-да, – пожевав по обыкновению губами, произнес старец, выслушав рассказ Артема. – Интересные расклады получаются. Что ж, отправляйся в этот Плутаев… хотя я тоже не понимаю… Ты говоришь, он похож на представителя органов?

– Причем не в малых чинах, – добавил Артем.

– Но тогда для чего он деньгами разбрасывается? Чего проще через свою систему отыскать кого угодно и что угодно. А иконка? Почему он ее не востребовал? На крючок тебя берет? Но зачем? Кто ты такой для него? Чего проще натравить ОБХСС. Непонятно. Хотя, конечно, бывают и среди подобной публики заядлые коллекционеры. Вот, помню… Потом как-нибудь расскажу… Но, если так, что же он в конце концов собирает? То эмали, то карты…

– А, собственно, что такое карты Таро?

– Специальные гадательные карты. Колода больше обычной и по формату, и по числу листов. Погоди, я сейчас принесу книгу…

Колычев пошел в дом, а Артем, оставшись в беседке, от нечего делать глазел по сторонам. В беседку влетела крупная вишнево-коричневая бабочка с крылышками, окаймленными желтоватой полоской. Артем знал, что она называется «траурница». Бабочка некоторое время порхала над столом, словно высматривая нечто известное ей одной, потом неожиданно опустилась прямо на лежащую неподвижно руку Артема. Наш герой тупо смотрел на изящное существо, усики которого подрагивали, а крылышки плавно поднимались и опускались. Интересно, мелькнула мысль, сколько стоит подобная тварь как предмет коллекционирования? Наверное, копейки. Тогда пусть радуется своей малоценности и летит восвояси.

Артем дунул. Бабочка вспорхнула и закружилась над его головой. В этот миг вновь появился старец. В руках он держал потрепанную книжонку в бумажной обложке.

– Вот, послушай. Гадательные карты Таро… Известны в Европе с XIV века… происхождение неясно. Ага… Египет… Так… Тайные знания… Ну куда же без них… Колода делится на Старшие и Младшие арканы, соответственно, двадцать два и пятьдесят шесть листов. Старшие арканы – символы. Например: Дьявол, Смерть, Башня, Колесница… Младшие – четыре масти: мечи, кубки, монеты, жезлы. Позже Младшие арканы трансформировались в обычную игральную колоду. Существуют разновидности, например, Марсельское Таро. Карты используют для гадания и в магии. Вот, посмотри…

Артем глянул в книгу. Со страницы на него смотрело рогатое чудище, у ног, вернее – лап которого примостилась голая парочка.

– Это Дьявол, – пояснил Колычев. – Тут есть и другие иллюстрации.

– Да, понятно, – равнодушно промолвил Артем. – О стоимости что-нибудь сообщается?

– Написано, что есть очень редкие и древние колоды.

– Ясно. Что ж, нужно отправляться в этот Плутаев. Интересно, где он находится? В справке написано – в Костромской области. Хорошо, хоть не в Сибири.

– Насколько я знаю, Плутаев – крохотный городок. Стоит на берегу Волги, – сообщил старец. – Красивейшие места! Художник Левитан именно там писал свои пейзажи. Съездишь, развеешься…

– Развеиваться я привык в «Арагви», – с кислой ухмылкой произнес Артем, – или в ресторане ЦДЛ. Ну, еще в «Метрополе».

– Но ведь средства для их посещения с неба не падают, – резонно возразил Колычев. – Так что, Артюша, отправляйся… В «Волге» на Волгу – забавно звучит.

Глава 6

ВЫДЬ НА ВОЛГУ…

У этой страны нет имени – она недостойна его; некогда она носила имя – имя громкое, славное; но она втоптала его в землю; годы засыпали его прахом.

Владимир Одоевский

«Город без имени»

Следующие два дня, субботу и воскресенье, Артем занимался делами, не относящимися к ходу нашего повествования, а в понедельник, двадцать девятого августа, отправился в экспедицию. Насколько ему удалось выяснить у водителей междугородных перевозок, к которым он обращался за консультацией, дорога до Ярославля и далее до Костромы была вполне приличной. Но вот потом нужно передвигаться по сильно пересеченной местности.

– До Красного еще более-менее, – сообщил некий мрачноватого вида водила с многочисленными татуировками на могучих руках. – Шоссейка разбитая, но проходимая, а потом тундра начинается…

Откуда в средней полосе тундра, Артем выяснять не стал, поняв, что под данным географическим ландшафтом подразумевается полное бездорожье.

– Прощай, рессора, прощай, кардан… – зловеще произнес татуированный.

«Да и хрен с ним! – подумал про себя Артем. – В конце концов, выставлю счет за поломки».

Артем практически никогда не бывал в российской глубинке. Лишь учась в институте, он пару раз ездил с факультетом на сельхозработы в Сходню. По этой причине родные просторы ассоциировались у него с картофельным полем, со стоящими буквой Г в бороздах студентками в тренировочных брюках, с аппетитными и не очень попками, с терпким дымком костров, у которых грелись в ненастье…

«Волга» мчалась по довольно оживленной трассе. Промелькнули древние храмы Ростова Великого на берегу озера Неро. За лобовым стеклом то и дело появлялись крохотные городки, названия которых на мгновение возникали на табличках придорожных столбов и тут же вылетали из памяти. Мимо проносились почерневшие от времени избы, купола и колокольни, очень часто находившиеся в весьма плачевном состоянии, колодцы с «журавлями» и без, древние лабазы, стоявшие поодаль от новых, полуразрушенные деревянные мосты, водонапорные башни… И леса, леса, без конца и края… Лиственные, едва начинающие желтеть. Хвойные, стоящие единым темно-зеленым монолитом. Если бы не мачты электропередач да щиты с облупившимися надписями типа: «Вперед к победе коммунизма!» или «Решения XXIII съезда КПСС – в жизнь!», то казалось бы, не «Волга» несет его вперед, а машина времени вспять, сквозь века.

До Ярославля Артем доехал без приключений. До Костромы, куда он прибыл под вечер, тоже, если не считать проколотого колеса. В сам город он заезжать не стал, а свернул в придорожный лесок, расположился под сосной, разжег небольшой костерок, поужинал захваченными из дома припасами и заночевал прямо в машине.

Следующим утром он уже был в Костроме. Город, как и ожидалось, небольшой и старинный, не произвел никакого впечатления на нашего героя. Артем лишь мысленно отметил, что, если бы потолкаться здесь с месячишко, можно выудить много интересных вещей.

Он нашел автовокзал, унылое здание с плоской крышей, похожее на перевернутый спичечный коробок, и поинтересовался у первого попавшегося водителя автобуса, как добраться до Плутаева. Выяснилось, что до искомого города километров сто двадцать. Дорога всякая: есть асфальт, есть и насыпной тракт, а то и просто проселок. Попадаются очень плохие участки.

– У тебя какая машина, земляк? – поинтересовался шофер. Произносил он: «кока машина».

– «Волга», – сообщил Артем, невольно улыбнувшись характерному выговору.

– Чего скалишься? – насторожился шофер.

– Окаешь ты… Для меня непривычно.

– А сам откудова?

– Из Москвы.

– О! – почтительно произнес шофер. – Дак угробишь «волжанку». Ты лучше на пароход садись. Машину оставь у кого-нибудь во дворе, и на пароход… И не бойся, у нас туто тихо. Отдашь рублевку за стоянку, а то и даром пустят. Вот. Пароход туда раз в день ходит. Как раз в одиннадцать и отвалит. Времени у тебя – навалом. Да вот хоть к моей тетке зайди. Скажи, что от Виктора. Можно, мол, машина пару деньков постоит? Тетка тут недалече проживает. Рядом, считай. Улица Красина, 13. Домишко сразу узнаешь. Весь в резьбе: и наличники, и ставни, и конек, и ворота… А потом сразу дуй на пристань. Купишь билет, и через пару часов ты в Плутаеве. И чего ты в ем забыл? Дыра, прости господи, еще та!

«А ведь он дело говорит, – подумал Артем. – Чего зря машину калечить». И он отправился на поиски дома, украшенного резьбой. Найти его оказалось несложно. Хижина даже издали напоминала теремок. Словоохотливая старушка с личиком, похожим на печеное яблоко, узнав, что его прислал племянник, кинулась отворять ворота. От трешки она категорически отказалась, долго всплескивала ручками и в конце концов в смущении убежала в дом. Однако Артем, несколько удивленный патриархальностью нравов, положил деньги на крыльцо и прижал их камнем. Когда он уходил, старушка выглянула из окошка и

уже в спину пожелала доброй дороги и заверила, что автомобиль будет в целости и сохранности.

На пристани, куда он, поминутно спрашивая дорогу, добрался через полчаса, уже шла посадка на судно, следующее до Плутаева. Артем купил у стоявшего перед сходнями матроса билет и взошел на корабль, называвшийся «Степан Разин». В общей каюте с деревянными скамейками было душно и пахло кислыми овчинами. К тому же народ все прибывал. Поэтому Артем решил начать путешествие на палубе. Он сел на скамейку, поставил рядом суму и стал наблюдать за происходящим.

«Степан Разин», несмотря на громкое название, был никаким не пароходом, а просто пассажирским катером, и люди, поднимавшиеся по сходням, вовсе не походили на праздных туристов. Это были корявые, кряжистые мужики в кирзовых сапогах, брезентовых пыльниках или телогрейках, старушки с корзинами и бидонами, похоже, возвращающиеся с рынка, молодайки с сумками и авоськами. Одна дородная гражданка везла решетчатый ящик с молодыми петушками. Артем равнодушно взирал на посадочную суету. Созерцание весело переговаривающихся граждан, видимо, давно и хорошо знакомых друг с другом, рождало ощущение отчужденности.

Наконец взревел дизель, вода за кормой забурлила, «Степан Разин» стал медленно выгребать на открытую воду, и вот уже он, покачиваясь на мелкой волне, двинулся по великой реке.

Было прохладно, но пока что по-летнему. Серые, подсвеченные изнутри небеса нависали над водами и, отражаясь в них, создавали ощущение призрачного сияния, поднимающегося из глубин. Оно густело и превращалось в невесомую дымку, окутывающую высокий, поросший лесом правый берег, вдоль которого плыл катер. На другой стороне реки, среди тех же лесов, изредка виднелись желтые поля, деревеньки, сторожки бакенщиков. Монотонный гул двигателя скоро превратился в звуковой фон, сродни вою ветра, на который Артем перестал обращать внимание. Ему казалось, что судно скользит по водам в абсолютной тишине. Великий покой, ощущение которого порождается видом бесконечных просторов, опустился на его душу. За кормой время от времени появлялись чайки, возле берега носились в воздухе стрижи и ласточки, а один раз, совсем невысоко, пролетел, тяжело махая седыми крылами, громадный лунь.

Созерцание живописных окрестностей навевало дремоту. Артем придвинулся к самому борту, поставил между ним и собой суму, запахнул кожаную куртку и, привалившись к спинке сиденья, задремал.

Разбудил его чей-то надсадный кашель. Артем отверз очи.

Поодаль сидел бородатый мужик в телогрейке и тянул самокрутку. Время от времени он начинал сипеть, словно задыхался, перхать и сплевывать в воду.

– Мучительно жить на свете, – сообщил мужик, увидев, что Артем смотрит на него. – Столько хворей под конец напало. А ране, поверишь ли, даже простуда не брала. На фронте – мы в Карелии стояли, где болота, – в окопе по колено воды да сверху льет, все носами хлюпают, а мне хоть бы х… Приму наркомовскую сотку, и как соленый огурец.

– Да вы бы курить бросили, – порекомендовал просвещенный Артем.

– Какой х…, бросишь! Без махры и вовсе загнешься. А ты не смолишь?

Артем отрицательно мотнул головой.

– Ну и правильно! Сам-то откуда?

– Из Москвы.

– Ого! И кто по чину?

– В газете работаю. – Артем решил не морочить людям головы реставрационной мастерской, а называться корреспондентом, тем более что у него имелось удостоверение внештатного сотрудника «Вечерней Москвы».

– Великая птица, а не гусь, – захохотал мужик. – То-то я смотрю, физия твоя незнакома. Тут на катере одни плутаевские, почитай, все друг другу – родня. Значит, корреспондент? А я-то, простодыра, все х…ми тебя обкладываю. Пропишешь, что плутаевские робяты охальники и сквернословы. Все, боле ни-ни! Так… э-э… вы в Плутаев следуете? – В голосе мужика слышалась не то почтительность, не то насмешка. – И с каким же, позвольте узнать, намерением?

«Спросить или не спросить про Соболева? – соображал Артем. – Этот бородач наверняка знает, имеется ли такой житель в Плутаеве. Нет, пожалуй, не нужно. Сейчас же станет известно всему городу».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Sub rosa (лат.) – «Под розой». По секрету, секретно. Роза у древних римлян была эмблемой тайны. Если розу подвешивали к потолку над пиршественным столом, то все, что говорилось и делалось «под розой», не должно было разглашаться.

2

Известные московские валютчики, расстрелянные в начале шестидесятых годов.

3

Литовка – большая коса.

4

Речь идет о ценах до денежной реформы 1961 года.

5

Кракелюры – характерная сетка из мелких трещин на старых полотнах, образующаяся в результате растрескивания красочного грунта или лака картины.

6

Куртаж (устар.) – плата посреднику в сделке.

7

Это покрашено? (фр.)

8

Естественный цвет (фр.).

9

Таг-душитель. Правильнее – туг. Туги – индийская секта почитателей «черной богини» Кали. Практиковали ритуальные убийства.

10

Дягилев С.П. (1872–1929) – русский театральный и художественный деятель. Основатель художественного объединения «Мир искусств». Организатор «Русских сезонов» в Париже. Создатель труппы «Русский балет Дягилева».

11

Нижинский В.Ф. (1889–1950) – знаменитый балетный танцовщик, балетмейстер. Танцевал в труппе Дягилева.

12

Кшесинская М.Ф. (1872–1971) – известная русская балерина.

13

Цитируется по книге «Литература Древней Руси XI–XII в. в». – М., 1978. Перевод Б. Кресеня.

14

Не литованы – не прошли через официальную цензуру.

15

Текст песни В.С. Высоцкого «Плохой детектив». 1966 г.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ateev_aleksey/karty-lyucifera

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить